

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

В.В. ИШУТИН

**НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА
КОЛЛЕГИАЛЬНОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА:
ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА**

Аналитический обзор

**МОСКВА
2018**

ББК 81.411.2-3; 67.401.1

И 97

Серия
«История России»

**Центр гуманитарных научно-информационных
исследований**

Отдел биобиблиографии ученых

Ответственный за выпуск

Ишутин В.В.

И 97

**Начальная история института коллегиального
президентства: Петровская эпоха:** Аналит. обзор /
РАН. ИНИОН. Отдел биобиблиографии ученых. – М.,
2018. – 74 с. – (Сер.: История России)
ISBN 978-5-248-00884-1

Прослеживается история термина «президент» в России с 1637 г. до конца царствования Петра I: «президент» в «Курантах» в XVII в.; знакомство Петра I с европейскими «президентами» во время Великого посольства 1697–1698 гг.; «президент» в Москве 1699 г.; «президенты» в газете «Ведомости» (1703–1726); институт президентства в реформах центральных и местных органов власти и др. Анализируется первая в России газетная информация о североамериканских колониях Великобритании, в частности об идее независимости колоний 1731 г.

Работа предназначена для историков, обществоведов, аспирантов и студентов.

ББК 81.411.2-3; 67.401.1

ISBN 978-5-248-00884-1

© ИНИОН РАН, 2018

Аннотация. Рассматривается история термина «президент» в России в его первобытно-классическом значении – от латинского *praesidens*: «сидящий впереди, во главе; председатель» – с момента появления в России в 1637 г. до конца царствования Петра I. Представлены сюжеты: «президент» в «Курантах» в XVII в.; знакомство Петра I с президентами западноевропейских государств во время Великого посольства 1697–1698 гг.; первый «президент» в Московской ратуше 1699 г.; термин «президент» в газете «Ведомости» (1703–1726); институт президентства в коллегиальной реформе центральных и местных органах власти; первый президент Академии.

Впервые в российской историографии из петровских «Ведомостей» дается информация о североамериканских колониях Великобритании, а в сообщении «Санктпетербургских ведомостей» со ссылкой на известие из Лондона 1731 г. материал о том, что колонисты Новой Англии «о том трудятся, дабы им от Великобританской власти свободится». Эта означает, что в России была известна идея независимости колоний за 40 с лишним лет до Декларации независимости 1776 г. и Конституции США 1787 г. с главогосударственной функцией термина «президент».

В.В. Ишутин
НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА
КОЛЛЕГИАЛЬНОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА В РОССИИ:
ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА
(Аналитический обзор)

Слова подчас взрываются не сразу.
А.И. Городницкий (1962)

В 1714 г. четвертый царь из династии Романовых Петр Алексеевич (1682–1725) в речи, посвященной спуску на воду нового фрегата, обозначил, на мой взгляд, фундаментальную причину начатых им перемен в государственном строе Московии, которым, судя по его письму летом 1713 года первому командующему Балтийским флотом Корнелию Крюйсу (1655–1721), было «уже вяще осмнадцать лет»¹:

«Писатели поставляют древнее обиталище наук в Греции, но кои, судьбиною времен бывши из оныя изгнаны, скрылись в Италии, и потом разсеялись по Европе до самыя Польши; но в отечество наше **воспрепятствованы нерадением наших предков**, и **мы остались в прежней тме**, в каковой были до них и все Немецкие и Польские народы. Но великим прилежанием искусных Правителей их отверзлись им очи, и со временем соделались они сами учителями тех самых наук и художеств, какими в древности хвалилась одна только Греция. Теперь пришла и наша черед, ежели только вы захотите искренно и безпрекословно воспомоществовать намерениям моим, соединя с послушанием труд, памятуя присно Латинское оное присловие: *молитесь и трудитесь*.

Науки коловращаются в свете на подобие крови в человеческом теле, и я надеюсь, что они скоро преселятся и к нам и утвердя у нас владычество свое, возвратятся наконец и на прежнее свое жилище, в Грецию. Я предчувствую, что Россияне когда-нибудь, а может быть, и при жизни еще нашей, пристыдят самые просвещенные народы успехами своими в науках, неумолимостью в трудах, и величеством твердой и громкой славы»².

Представляемый в работе материал – история появления термина «президент» в русском языке и начального периода российского института президентства – в контексте речи Петра I исходно важная составляющая начатого последним царем Московии и первым императором России перестроечного процесса высших, центральных и местных органов власти, а также органов надзора и судопроизводства, в котором далеко не последняя роль, как будет видно, принадлежит термину «президент».

* * *

...Если историю отечественной президентуры начинать в соответствии с библейским постулатом *в начале было слово*, то для нее это будет год 1637-й: «президент» впервые был написан кириллицей в отечественной рукописной газете, известной в историографии как «Куранты» (от франц. «courant» – текущий), или «Вести-Куранты»³. Она готовилась на территории Московского Кремля в бумажных свитках для царя и Боярской думы в одном-двух экземплярах по материалам зарубежной прессы, письмам и другим рукописно-печатным источникам, поступавшим в Посольский приказ. Говоря современным языком, это был материал жанра ДСП (для служебного пользования), или дайджест⁴. Тут же хотелось бы отметить очевидную символичность явления термина «президент» именно на территории Кремля: три с половиной века спустя он стал резиденцией и первопоследнего Президента СССР М.С. Горбачёва, и первого Президента РФ Б.Н. Ельцина (1931–2007)... Вот уж действительно: *где родился, там и пригодился!*⁵.

До конца XVII в. «президент» никак не обнаруживал себя за кремлевскими стенами, оставаясь в свитках «Курантов», как в конце, до начала единоличного царствования Петра I в 1696 г., когда умер его единокровный старший брат царь Иван V (1666–1696). (Последний, будучи старшим соцарем, «по состоянию здо-

ровья» фактически с 1689 г. не участвовал в правлении государством). «Куранты», хотя и были известны историкам уже с XIX в., академически стали издаваться только с начала 1970-х годов. По моим подсчетам, термин «президент» встречается 12 раз в опубликованных на сегодня семи томах «Вестей-Курантов»⁶.

А вот историю собственно института⁷ президентства можно начинать либо с именного указа Петра I *Об учреждении Бурмистрской Палаты* от 30 января 1699 г., по которому «президент» принят на службу в московскую Ратушу, либо с реформы центральных органов власти, когда во главе коллегий⁸ царем Петром были поставлены «президенты». Впрочем, именно этим двум фабулам во многом и посвящено исследование. У термина «президент» в Петровскую эпоху было единственное, можно сказать, первобытно-классическое значение – от латинского *praesidens*: «сидящий впереди, во главе; председатель». Вторая, ставшая ныне основной, главогосударственная дефиниция появилась у него с принятием Конституции США в 1787 г. Стоит, думаю, отметить также, что на стыке миллениумов в отечественных словарях появилось и третье толкование слова «президент»: «высшее должностное лицо компании, корпорации и др.»⁹.

В российских официальных документах «президент» впервые по-русски, вероятно, прописан в дипломатическом материале начала 1696 г. *Сношения царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей с Римским императором Леопольдом в 1695–1697 гг.*:

«...А при Цесаре, с правую цесарскую сторону, стояли встрешники да ближние думные люди: Волфанг Ганк фон Этинг, **президент государственных дел судейских**»¹⁰.

В *Союзном договоре, заключенном между Россиею, Римскою империею и Венецианскою республикою* 29 января 1697 г. и подписанном «пресветлейшим и державнейшим государем», «царем и великим князем Петром Алексеевичем», «президент» использовано дважды:

«...граф Штаренберхъ, генеральной полевой маршалок и **совета воинскаго президент**, <...> граф Цейль, совета цесарскаго двороваго **вместо президента** <...>»¹¹.

Но это лишь точечное применение свежего для русского политического языка термина из новояза средневековой Московии. Чаше «президент» начал применяться со времен первой дипломатической миссии Русского царства в Западную Европу, которая

известна в историографии как Великое посольство 1697–1698 гг. Петру надлежало получить или, по крайней мере, заручиться поддержкой Европы в борьбе Руси с Османской империей, или Портой, поднять и закрепить престиж государства после Азовских походов в 1695 и 1696 гг., обеспечить поддержку европейских правительств на северочерноморские претензии царства, а также настроить их дипломатию на сторону Москвы в назревавшей Северной войне. Была у посольства и сугубо утилитарная задача: снабдить перерождающуюся Русь чужеземными специалистами, дабы поправить заплесневевшее доромановское хозяйство. Да и царю-реформатору горелось самому ознакомиться с общественно-политической жизнью западноевропейских земель, с их административными порядками, и, наконец, с бытом Старого Света... Великое посольство состоялось под парадным руководством генерал-адмирала Ф.Я. Лефорта (1655–1699), генерала и сибирского наместника Ф.А. Головина (1650–1706), думного дьяка П.Б. Возницына (даты жизни пока неизвестны) и насчитывало до 250 человек. Среди тридцати пяти волонтеров представительства был и «всеа Великия и Малыя и Бelyя Росии самодержец», значившийся урядником, или десятником Преображенского полка, под именем дворянина Петра Михайлова. Причины инкогнито Петра во время Великого посольства в историографии до сих пор всерьез не объяснены: то ли это было обусловлено отсутствием практики пребывания за границей первых лиц Руси, то ли стремлением к упрощению условий дипломатического этикета... Но, так или иначе, попытка более чем двухметрового роста государя скрыть свою руководящую роль в этом предприятии скоро стала, что называется, секретом Полишинеля. Отбывшее из Москвы в марте 1697 г. Великое посольство должно было посетить Ригу, Кёнигсберг, Австрию, Бранденбург, Голландию, Англию, Венецию и Папскую область. Однако ни граду на воде, ни папе римскому познакомиться с будущим первым императором российским не довелось: в середине июля 1698 г. полученным известием из Москвы о выступлении стрельцов ознакомление Великого посольства с евромонархиями было прервано...

Конечно, ни о распространенности термина «президента» в Европе, ни о его служебных функциях и т.п., в программе Посольства вопрос не значился, однако именно в эти без малого полтора года первые дипломаты России так или иначе ознакомились с европейским институтом президентства, а результаты знакомства

достаточно быстро дали о себе знать после возвращения в Первопрестольную. Первым европрезидентом, зафиксированным в международных договорах миссии, стал, по-видимому, обер-президент госсвета и первый министр Бранденбургского курфюршества «фон-Данкелман», или «барон Фон-дан-Келман» – Бальтазар фон Данкельман. В дипломатических источниках за май 1697 г. он представлен как «его Курфирстския Пресветлости учрежденный **первый президент** во всех его советах»¹². В *Тайном словесном договоре, заключенном с Бранденбургским курфирстом Фридрихом III* от 10 июня 1697 г. и в *Союзном договоре* от 22 июня 1697 г. в Королевце* он трижды упомянут как «**верховной президент**» и «**бывшей верховной президент**»¹³.

Переход к историографической теме термина «президент» непременно следует начать с информации о первой серьезной биографической работе о Петре Первом и его времени, принадлежащей французскому философу-просветителю, писателю, историку и публицисту Ф. Вольтеру (1794–1778) «Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand» (История Российской Империи в царствование Петра Великого). Над ней, получив заказ из императорского дома России, он работал с 1756 по 1763 г. Исследование было издано в Европе на французском языке в двух томах несколько раз в 1759–1765 гг.

Первое же русское издание книги Вольтера под названием «История Российской Империи в царствование Петра Великого» в переводе Семена Смирнова с посвящением «Его императорскому величеству всемилостивейшему государю Александру Павловичу самодержцу всероссийскому» (кстати, без указания автора), вышло в Москве также в двух томах в 1809 г. с некоторыми купюрами. Этот же перевод и под этим же названием без посвящения и фамилии переводчика, но по современным правилам орфографии и пунктуации, переиздан в одном томе в Петербурге в 2012 г. К сожалению, и здесь, как и в публикации 1809 г., нет даже краткой историко-энциклопедической справки о работе Вольтера, которая, кстати, была известна М.В. Ломоносову (1711–1765) и даже рецензирована им. Ничего не сказано и об истории издания ее русского перевода¹⁴. Что же касается потребных для моей работы терминов «президент» и «коллегия», то в книге Вольтера они ни разу не встретились, хотя административно-правовые вопросы ис-

* Кёнигсберг, с 1945 г. – Калининград.

тории Московии-России им освещались. В частности, ниже будет ссылка на это исследование в связи с так называемой «шведоманией» Петра...

Термин «президент» фигурирует в других жизнеописаниях Петра I, в частности в работе сербского историка и поэта Захарие Орфелина (1726–1785)¹⁵, который в 1772 г. напечатал в Венеции двухтомное «Житие и славные дела государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского». Уже в 1774 г. эта книга была издана в Петербурге историком и философом М.М. Щербатовым (1733–1790). В главе «Тайное путешествие государя Петра Первого чрез Германию, Голландию и Англию» коротко повествуется о пребывании Посольства у курфюрста 20 мая 1697 г. и приеме в его честь:

«...**Обер-Президент** говорил именем Курфирстким, что ему Курфирсту весьма приятно, что его Царское Величество изволил прислать к нему толь славное посольство <...>. Третий посол взял от Легацион-Секретаря царский кредитив, предал второму, а сей первому, <...> и вручил его **Обер-Президенту**. <...>»¹⁶.

В описании пребывания российских послов в Голландии, куда они прибыли из Бранденбурга, сербский историк не использовал президентскую терминологию, но зато оставил акцентное замечание об интересе русского монарха к европейским протокольным церемониям, который проявился как раз во время его пребывания в Республике Соединенных провинций Нидерландов:

«...Государь ПЕТР, принужден быв оставить топор, поехал скрытно **ради видения церемонии** при приеме и при аудиенции у штатгалтера оных провинций, Короля Аглинского Вилгельма III <...>»¹⁷.

Здесь нелишне будет сказать, что голландская тема уже и в подростково-юношеский период жизни Петра, и во время Великого посольства занимала весьма важное место. Историк М.М. Богословский (1867–1929) при описании Великого посольства специально останавливается на теме «Голландия в конце XVII в.» и конкретизирует, почему «перед всеми другими странами Западной Европы преимущественно Голландия» привлекала и тянула Петра к себе: во второй половине XVII столетия именно голландцам принадлежало первое место в европейской внешней торговле, а потому их «лучше других иноземцев далекого Запада знали в Москве, имели с ними дел больше, чем с другими. Они хорошо были представлены и в Немецкой слободе на берегах

Яузы», которая, как известно, была для царевича Петра своего рода *малой родиной* в родной Москве. Именно там голландцы были первыми иностранцами, с которыми приходилось общаться Петру-подростку (в частности, его лечил врач-голландец), у них будущий царь «научился немного говорить по-голландски – единственный язык, которым он несколько владел». В 1693 и 1694 гг. Петр посещал Архангельск, где работал с голландцами, встречался с их купцами, в руках которых в то время было сосредоточено четыре пятых всей тогдашней морской торговли. Кстати, из Голландии же были получены заказанные корабли – модели первого русского кораблестроения. Более того, оказывается, что штатгалтер Генеральных Штатов и «король аглинский» Вильгельм III (уроженец Гааги), был «с юных лет героем Петра»¹⁸. В этой связи позволю усомниться в справедливости категорического утверждения культуролога и литературоведа Ю.М. Лотмана (1922–1993), что «идея порядка, “регулярного государства” вовсе не была внушена Петру I путешествием в Голландию или вычитана у Пуффендорфа»¹⁹, а что «это был вопль земли, которая еще не залечила раны “бунташного века” и одновременно не могла себе представить, во что обойдется ей эта “регулярность”»²⁰. Если исключить – или хотя бы смягчить – публицистичность пассажа культуролога о «вопле земли» после «“бунташного века”» и всерьез отнестись к аргументации историка о причинах очевидной симпатии юного Петра к Голландии, как передовой на то время европейской страны, то окажется, что именно в Нидерландах Петр рассмотрел истоки «идеи порядка, “регулярного государства”», т.е. той идеи, которая занимала его, похоже, с момента единовластного царствования. Возможно, после знакомства именно с голландскими порядками во время Великого посольства у Петра начала созревать политическая мысль: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом»²¹. И здесь, думаю, уместно процитировать три строки из стихотворения В.А. Жуковского (1783–1852) «В Сардамском домике», написанного в 1839 г. в голландском Заандеме (Зандем) возле дома, где жил Петр I в 1697 г. Поэт побывал там, сопровождая будущего императора Александра II (1818–1881), к которому и обращены строки:

Великий князь! благоговей:
Здесь колыбель империи Твоей,
Здесь родилась великая Россия!

...Ко времени прибытия Великого посольства в Амстердам, главный город провинции Голландия, Республика Соединенных провинций Нидерландов (до 1795 г.) жила и развивалась уже более 100 лет после 80 лет войны с Испанской короной. В 1579 г. Утрехтская уния признала образование конфедерации Семи Соединенных провинций – республики, которая в XVII–XVIII вв. по названию ведущей провинции называлась и Голландской. Ее окончательная независимость зафиксирована Вестфальским миром 1648 г. (Замечу, что по похожему сценарию проходило в XVIII в. и создание США: претензии колоний английскому королю после Семилетней войны 1756–1763 гг., война с короной, Декларация независимости...) Конфедерация управлялась федеральными Генеральными Штатами – высшим сословно-представительским учреждением из депутатов духовенства, дворянства и богатых горожан; ее госустройство длительное время было в значительной степени архаичным и во многом носило неупорядоченный характер, сохраняя, в частности, многие старинные привилегии провинций, бывших в прошлом феодальными княжествами. Архаика использовалась и в названиях должностей руководителей республики, таких, к примеру, как уже упомянутый «штатгалтер» и «пенсионарий», или «великий пенсионарий» (премьер)²². Кстати, в истории конфедерации был эпизод *бесстатхаудерного* периода правления в 1650–1672 гг., когда высшим должностным лицом, т.е. фактическим правителем Соединенных провинций, был как раз великий пенсионарий. Была в Голландской республике и должность «президента». В Генеральных штатах как руководящем органе республики, «президент» являлся представителем сословий суверенных провинций, составлявших Штаты. Хочу обратить внимание, что президент провинции в Генеральных штатах избирался *еженедельно* в соответствии с негласным статусом провинции в конфедерации. Голландия номинально имела в Штатах не больше веса, чем другие провинции, но практически из-за ее большего налогового бремени в сравнении с другими, значимость ее в Республике была выше²³. Русскому царю-«волонтеру» во время Великого посольства приходилось встречаться-общаться с голландскими президентами. В том числе и об этом повествует уже выше цитированное многотомное летописно-биографическое сочинение о Петре Великом историка И.И. Голикова (ок. 1734 или 1735–1801), который заслуживает хотя бы краткого рассказа о нем.

...В 1788–1789 гг. в московской типографии просветителя Н.И. Новикова (1744–1818) были напечатаны 12 томов «Деяний Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» мало кому известным Иваном Ивановичем Голиковым. Благоволение к этому труду самой Екатерины II вдохновило автора на издание в 1790–1797 гг. еще 18 томов «Дополнений к деяниям Петра Великого»²⁴. Долгое время этот «многотомный панегирик», по характеристике С.М. Соловьева (1820–1879), и «обширный сборник материалов для жизнеописания Петра», в определении В.О. Ключевского (1841–1911), был почти единственным источником данных о царе-преобразователе. Социально-научная потребность в этих книгах была столь велика и очевидна, что в 1837–1847 гг. 30 томов «Деяний» и «Дополнений» к ним были переизданы. Об их авторе существует небольшая литература,²⁵ но знакомство с несколькими эпизодами биографии этого поистине незаурядного человека, не будет лишним. В автобиографическом предисловии к «Деяниям» автор сообщил о своем воспитании-образовании: «родился я в городе Курске, где у приходского дьячка и обучен я был читать церковную печать, да кое-как писать, что и составляло весь круг моего воспитания»²⁶. В дальнейшей биографии в прямом смысле доморощенного хрониста особо впечатляет тот факт, который, полагаю, и позволил историку Б.И. Сыромятникову (1874–1947) увидеть в нем не только обожателя Петра Великого, но и – NB! – «рядового представителя нарождавшейся русской буржуазии»²⁷! В энциклопедическом изложении этот эпизод читается так: «В 1779 вместе с двоюродным братом М.Г. Голиковым и еще четырьмя купцами Г[оликов] заключил контракт на содержание винного откупа в Москве и С.-Петербурге. Финансовая независимость позволила Г[оликову] собрать библиотеку (ок. 1,5 тыс. томов). Однако в 1781 г., после конфискации на Рижской таможне партии контрабандной франц. водки Г[оликов] был арестован и осужден на ссылку в Сибирь и конфискацию имущества. По манифесту об амнистии от 7(18).8.1782 по случаю открытия в С.-Петербурге памятника имп. Петру I был освобожден»²⁸. По легенде, едва выйдя из Петропавловской крепости, «представитель нарождавшейся буржуазии» перед свежим памятником Петру дал клятву написать историю его жизни. Поселившись в Москве, он «посвятил остальные годы жизни исполнению своего обещания». Голиковские материалы использовали многие и еще редкие тогда профессионалы-

историки, и любители-дилетанты, и люди творческие. В частности, А.С. Пушкин при работе над «Полтавой» и «Историей Петра» обращался к *magnum opus* деэписателя. Литературный критик, публицист, философ-западник В.Г. Белинский (1811–1848) вскоре после выхода 2-го издания «Деяний» восторженно оценил его: «Из прежних попыток сделать что-нибудь для истории Петра Великого достоин величайшего уважения только бескорыстный и простодушный труд Голикова. <...> Явись Голиков у англичан, французов, немцев – не было бы конца толкам о нем, не было бы счета его биографиям; гипсовые изображения его продавались бы вместе с статушками Наполеона, Вольтера, Руссо, Франклина <...>»²⁹.

А что же Голиков *по простоте душевной* представил в «Деяниях» по президентскому вопросу? Он, в отличие от Орфелина, много чаще использовал термин «президент». В частности, дважды употребил его при описании аудиенции Великому посольству у бранденбургского курфюрста 21 мая 1697 г.:

«Мы церемонию сея аудиенции опишем с тою же подробностью, дабы из оная яснее видеть можно то уважение, которое имели к сему Посольству или паче к младому Российскому *Монарху*, в свите Посольской находившемуся. <...> **Великий Президент** и первый Министр Барон *Эбелгард Данкельман* стоял по левую сторону. <...> Помянутый **Великий Президент** первый от имени Курфюрста говорить начал <...>»³⁰.

Совершенно очевидно, что «Великий Президент» в Пруссии у Голикова – синоним «обер-президента» у Орфелина, т.е. по словарному определению – «главный, старший, высший, начальствующий» чиновник при курфюрсте, но не самостоятельная политическая фигура государства.

Иной политический колер приобретает термин «президент» у Голикова в повествовании о пребывании московитов в Республике Соединенных провинций Нидерландов. Именно в Амстердаме в 1697 г. состоялась встреча Великого посольства с президентом, которого летописец представил почти как главу республики:

«... 16 числа Августа <...> за полмили от Амстердама встретили Послов **Президент** с Бургомистрами, со многими знатными особами. **Президент** говорил Послам приветственную речь, изыскавшая в оной радость всея республики их за великую честь, оказанную им толь знаменитым посольством <...>»³¹.

«Послы с пышностью» въехали в Амстердам и расположились «в назначенном для них превеликом доме»:

«...Штаты Амстердамские с своим **Президентом**, после обеда, данного ими Послам, приехали в квартиру посольскую <...>, и ведая в свите посольской находящегося младаго и беспредельно любопытного *Монарха*, **просили их в тот же день посетить их Ратушу**. Предложение охотно принято. *Монарх*, бывший с ними, с несказанным удовольствием осматривал сие огромное здание. Послы имели от *Его Величества* повеление расспросить предводящих их о разных учреждениях и порядках оных, в чем были удовлетворены. <...>»³².

В сентябрьско-октябрьской хронике пребывания посольства в Голландии в 1697 г. историк не единожды повествует о голландском президенте почти как о главе государства:

– о встрече российских послов «на их квартире» с голландским **«президентом»** 17 сентября;

– об аудиенции у Генеральных Штатов 26 сентября, на которой **«президент»** – ключевая фигура; публикуется «ответ на речь Посольскую **Президента Штатов**»;

– о «второй конференции Послов с **Гг. Штатами**» 2 октября;

– об «отпускной Послам у **Гг. Штатов**» и «речи **Президента** от лица **Гг. Штатов**» 17 октября...³³

В документах о присутствии посольства в Нидерландах в «Памятниках дипломатических сношений» «президент» также активно упоминается:

«...Сентября в 16 день приходили к великим и полномочным послам <...>, **амстрадамский президент** с товарищи и говорили <...>»;

«...И тогож дня <...> приехали к великим и полномочным послам семь человек Стат розных провинций, <...> и пришед в полату **президент** <...>»;

«...Октября во 2 день у великих и полномочных послов были во дворе Галанские Статы, семь человек, <...>; а как вошли в полату и <...> **президент** Фон Эссен говорил с писма <...>»;

«[10 окт.] ... были у великих и полномочных послов два первые из Статов, **Фон-Эсен** [президент. – *В. И.*] с товарищем <...>»³⁴.

Сравнение старых названий голландских властных должностей, таких как штатгальтер и пенсионарий (великий пенсионарий), с должностью президента республики можно найти в отечественной дореволюционной литературе. К примеру, С.Г. Лозинский (1874–1945), говоря об одном из исторических деятелей Нидерландов XVII в., отмечает, что, будучи «начальником всех военных и мор-

ских сил республики» и заседа «в государственном совете», «не без основания заслуживает звания **президента республики** – звания, которого не давали ему его современники, но сущность которого их очень пугала»³⁵. Может, «пугающая сущность» заключалась в возможном конституционном наделении термина «президент» той самой главогосударственной функцией, которая появилась у него по Конституции США?.. Но первая европейская буржуазная республика в законодательном отношении тогда только созревала. Да и не мудрено: в североамериканских колониях, где родилась конституция с президентом, прямая королевская власть была, что называется, за тридевять морей, короля там никогда вживую не видели, а Западная Европа вся – почти монархический муравейник...

Но в современной историографии я не обнаружил термина «президент» в материалах по истории Голландской республики даже в русскоязычном сегменте почти все ведающего Интернета. Нет его и в относительно недавней работе Г.А. Шатохиной-Мордвинцевой «История Нидерландов»: в главе «Республика Соединенных провинций Нидерландов в XVII в.» есть раздел «Органы управления Соединенных провинций», однако и в нем «президент» не упомянут даже как синоним какой-либо власти³⁶. В то же время в источниковедческом исследовании Великого посольства А.Г. Гуськова при описании Фонда РГАДА «Сношения России с Голландией» перечислены «Черновые описания встреч “великих послов” с различными депутатами от Генеральных штатов во главе с **президентом** фон Эссенем». Правда, в «Именном указателе» монографии фон Эссен обозначен лишь как «председатель Нидерландских Генеральных штатов», а в двух текстах по сносам этого указателя он «председатель», в одной – «президент»³⁷. Так что, встречавший 16 августа 1697 г. российское посольство на окраине Амстердама «Президент с Бургомистрами, со многими знатными особами», вероятно, официально был тем самым **еженедельным президентом** провинции Голландия в Генеральных штатах, о чем говорилось выше. В «Деяниях» же Голикова «президент» используется, думаю, исключительно как синоним редкого для россиян голландского термина «пенсионарий», хотя он в значении «одного из высших должностных лиц в Нидерландах в XV–XVIII вв.» в кириллической транскрипции старше «президента»: по «Курантам» известен с 1600 г.³⁸ Подтверждение мысли о синонимичности в голландской языковой практике терминов «пенсионарий» и «президент» обнаружилось в книге религиоведа М.С. Беленького

(1910–1996) о нидерландском философе Б. Спинозе (1632–1677), в которой, в частности, говорится об инициативе созыва Генеральными штатами 18 января 1651 г. в Гааге «великого собрания» «представителей всех провинций Нидерландов, которое открыто высказалось против должности штатгальтера. Решение собрания укрепило политическое господство буржуазии. Власть полностью была захвачена партией Яна де Витта³⁹, которого объявили “великим пенсионарием” Голландской республики, т.е. **президентом страны** и руководителем ее внешней политики». Здесь же де Витт называется и «**президентом республики**»⁴⁰. Впрочем, не только в научно-популярной литературе, к каковой относится книга о Б. Спинозе, но и в академической литературе встречается такое же сравнение: «в качестве “великого пенсионария” провинции Голландии Ян де Витт являлся как бы **президентом** Голландской республики <...>»⁴¹. Получается, что главогосударственная функция к термину «президент» *почти* примерялась в Голландии уже в середине XVII в.? По-видимому, термин «пенсионарий» в государственно-политической терминологии России XVII–XVIII вв. не прижился из-за локальности его использования в Западной Европе, в то время как латинским *president* в значении «председатель», что называется, издревле вся Западная Европа пользовалась. Стоит отметить также, что в жизнеописаниях Петра Великого «пенсионарий» не употреблен ни у З. Орфелина, ни у И.И. Голикова. У М.М. Богословского в «Объяснительном словаре» монографии о Петре I «пенсионарий» определен как «...выборное должностное лицо в городском совете, исполнявшее обязанности секретаря, а также ведшее переговоры с иностранными послами и наблюдавшее за благосостоянием провинций». В самом же тексте о Великом посольстве термин встречается лишь дважды: «пенсионарий Гейнсисус» и просто «пенсионарий». Что же касается слова «президент» в труде Богословского, то хотя в «Объяснительном словаре» его и нет (вероятно, уже из-за широкой известности термина), но в «Указателе имен» он присутствует: «Эссен, ван, **президент** Голландских штатов». Здесь же упоминается еще и «**президент** Штатов» Беккер, который в «Указателе имен» назван лишь «депутатом Голландских Штатов»⁴². В современной отечественной литературе, в частности в книге «Лефорт» Н.И. Павленко (1916–2016) достаточно часто упоминается голландский «президент», в том числе и как «**президент** Сената», а вот «пенсионария» нет⁴³. Справедливости ради нельзя не сказать, что при Петре I экзотический «пен-

сионарий» не вышел окончательно из употребления: в газете «Ведомости», о которой речь еще будет, он встречается в сообщениях «из Гаги» два раза в 1720 г. и один – в марте 1725, т.е. после смерти императора⁴⁴.

Косвенное свидетельство использования именно термина «президент» в госаппаратной лексике Голландии XVII в. я получил из первой в России книги о Великом посольстве археолога и историка М.А. Веневитинова (1844–1901) «Русские в Голландии: Великое посольство 1697–1698 г.». Толчком к ее написанию послужила брошюра французского писателя-публициста Жана Мермана (1753–1815), которая в переводе с французского названа «Речью по поводу первого путешествия Петра Великого»⁴⁵. Исследователь отмечает, что она была опубликована лишь один раз в Париже на французском в 1812 г. и не переводилась на другие языки, но «была сказана по-голландски» в 1811 гг. «в двух обществах словесности» – в Гааге и в Лейдене, причем «голландский подлинник никогда не был напечатан»⁴⁶. А поскольку термин *president* есть и в языке нидерландском и, по-видимому, использовался и в XVII в., то с большой долей уверенности можно предположить, что в сказанной в 1811 г. «Речи» был использован именно он. В монографии Веневитинова «президент» встречается пять раз, в том числе дважды в цитатах из Меермана:

«...16 августа послы подъехали к Амстердаму <...> пригодились к приему ожидаемых местных властей <...>. Эти власти были Амстердамский **президент** и бургомистры <...>»;

«...Перед самым отъездом послов к ним явились с прощальным визитом амстердамский **президент** и его товарищи. <...> **президент** и его товарищи говорили Русским, что они почитают за великое счастье посещение города такими знатными гостями; <...> **Президент** и бургомистр проводили гостей своих до самых яхт <...>»;

«...4 октября, **президент** уведомил Собрание, что три московские посла <...> чрез секретаря и переводчика просят у Статов аудиенции <...>»;

«...В ответной речи **президента** Штатов, дословно переведенной <...>»;

«...Аудиенция наконец состоялась в понедельник 18 / 28 Октября. <...> Став в зале против **президента**, они [послы. – В. И.] выслушали его речь <...>»;

«...Господин Беккер, исполнявший в эту неделю должность **президента** Штатов*, с своей стороны спросил о здоровье царя (* Депутаты чередовались понедельно в председательствовании в Собрании Штатов»⁴⁷).

Отмечу комментарий к последней цитате о «понедельном председательствовании» в Штатах, т.е. о еженедельном выборе президента, о чем уже говорилось. Что президент Генеральных штатов подчинялся пенсионарию, свидетельствует донесение 1701 г. А.А. Матвеева (1666–1728), сподвижника Петра, направленного послом в Гаагу в 1699 г. Дипломат убеждает царя, в частности, что «Господин Витзен⁴⁸ ваш истинный и верный слуга, в котором вы найдете надежнее его из голландских персон к стороне вашей здесь нет. Будучи **президентом** Штатов; шведский посол прямо жаловался на него пенсионарию <...>. <...> пенсионарий писал Витзену за это укорительное письмо»⁴⁹.

...Петр I пробыл в Голландии четыре с половиной месяца. Оттуда по личному приглашению Вильгельма III, английского короля и, как бы по совместительству, статхаудера Голландской республики, он в начале 1698 г. отправился на три месяца в Англию. В президентскую тематику этот визит ничего не добавил, если не считать того, что возможно российский монарх повидался с физиком и астрономом Исааком Ньютоном (1642–1727), который в 1703 г. стал президентом Лондонского королевского общества. Из Англии, где Петр, кстати, познакомился и с работой первого европейского парламента, последовало возвращение в голландские Штаты, откуда через Лейпциг, Дрезден и Прагу в Вену. Историю российского президентства и этот маршрут, судя по использованной литературе, никак не обогатил, если не считать отмеченную Орфелином встречу Петра с еще одним европрезидентом 5 июня 1698 г. в Вене:

«...Спустя несколько дней потом, **Президент военного совета** <...> учинил великому Российскому посольству славный обед <...>»⁵⁰.

В Вене были уверены, что царь отправится в Венецию, но ... «июля в 15 день пришла с Москвы почта, отпущенная июня от 17 числа, на которой присланы письма о воровстве бунтовщиков стрельцов»⁵¹. Петру-«волонтеру» необходимо было отправляться в престольную!..

В целом Великое посольство не получило политических выгод, на которые рассчитывал молодой государь. Не получил он и

денег на создание флота. Правда, посольство сумело завербовать в Россию несколько сотен специалистов по корабельному делу, закупить военное и другое оборудование. Для настоящего исследования, посвященного началкам отечественно президентства, важен тот итог Великого посольства, который как-то не замечается: очень скоро после возвращения дипмиссии на родину, когда, по выражению современного американского историка Р. Пайпса, Петр I начал, «следуя западным образцам», вводить «принцип административного рационализма»⁵², а термин «президент» в этом «следовании» стал одним из первых административно-языковых символов петровского времени.

...Царь примчался в белокаменную – без посольства и также инкогнито – вечером 25 августа 1698 г. (Возвращение всего Посольства состоялась лишь 20 октября). О том, что происходило в самой Москве и в Московии с момента возвращения Петра по конец октября подробно рассказывает М.М. Богословский в двадцати главах раздела «Стрелецкий розыск» третьего тома монографии о Петре. Его содержание красноречиво передает такая информация: в названиях десяти глав историк ключевыми сделал слова «допросы и пытки», «ссылка», «казни». А историк Н.И. Павленко одним предложением описал эту обстановку: «Столица превратилась как бы в огромный эшафот, к которому свозили обреченных»⁵³. Вообще же «розыск и казни стрельцов» продолжались и в январе-феврале 1699 г.⁵⁴ С.М. Соловьев, анализируя психологическое состояние самого государя осенью 1698 г., удостоверяет, что «стрелецкое дело дорого стоило Петру. <...> Он был мрачен и скорбен, подвергался страшным припадкам болезненного раздражения; он упал духом, им овладело сомнение, достанет ли у него сил совершить задуманное, то, что мы называем преобразованием»⁵⁵. Но ни пыточно-ссылочные условия престольного града, ни душевное состояние самого царя как будто не отразились на начале реформ после возвращения самодержца из Европы. Думаю, не будет категорическим преувеличением, если скажу, что петровская «идея порядка, “регулярного государства”» начала осуществляться уже в начале следующего года тремя именными указами царя о городской реформе от 30 января и 17 апреля 1699 г. (или 7207-го «старого» летосчисления), два из которых вводили в российский деловой обиход термин «президент»:

Об учреждении Бурмистрской Палаты для ведомства всяких расправных дел между Гостями и посадскими людьми,

*для управления казенными сборами и градскими повинностями, и об исключении Гостей и посадских людей из ведомства Воевод и Приказов*⁵⁶;

*Об учреждении в городах Земских Изб для ведомства всяких расправных дел между посадскими и торговыми людьми, для управления казенными с них сборами и градскими повинностями и об исключении торговых и посадских людей из ведомства Воевод и Приказов*⁵⁷;

*О выборе гостям и гостиным сотням бурмистров из всех слобод по одному*⁵⁸.

Не забывая о «пыточной атмосфере» в Московии осенью-зимой 1698–1699 гг., следует в то же время и помнить, что государь вернулся в родные края с «ярким воспоминанием» о «материальной стороне европейской жизни», к которому, безусловно, следует отнести и представление «об амстердамской ратуше, с бургомистрами которой он дружил»⁵⁹. Даже официальный российский историограф Н.М. Карамзин (1766–1826) утверждал, что «пылкий монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел делать Россию – Голландию»⁶⁰. Ему вторил автор шеститомной «Истории царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялов (1805–1870), говоря, что «все голландское он любил, как свое родное»⁶¹. Английский историк Дж. Эдмундсон (1848–1930) также был уверен, что Петр вернулся в Россию «в восхищении от всего голландского»⁶². Впрочем, такие умозаключения были небезосновательны, поскольку XVII век был, что называется, золотым веком Амстердама.

В указе о Бурмистрской палате в Москве, с которого начинается реформа системы городского самоуправления, палату повелено было называть Ратушей на амстердамский манер. (Кстати, здание амстердамской ратуши являлось на то время самым большим в Европе и считалось едва ли ни восьмым чудом света). А о том, что это «имя и образец от Голландцев» свидетельствует английский инженер Дж. Перри (1670–1732), призванный Петром во время Великого посольства в 1698 г. как специалист-кораблестроитель. Первый в Москве орган городского самоуправления «как особое присутственное место» предназначался «для улучшения способа сбора Царских доходов»⁶³. Ратуше суждено было оставаться центральным учреждением по управлению городским населением – купцами и ремесленниками – вплоть до учреждения Главного магистрата в 1720 г. Именно в Ратуше российский «президент» полу-

чил первую работу: из 12 «погодно» сменяемых выборных бурми-
стров, или руководителей города, должно «по одному человеку
быть в первых, **сидеть по месяцу Президентом**»⁶⁴.

...По этому поводу одно вопросительное наблюдение: поче-
му «государь Петр Алексеевич» использовал латинизм «прези-
дент», хотя, как известно, он, при всей проевропейской активнос-
ти, был искренним приверженцем именно национального, рус-
ского в своих реформах? К примеру, те же «президенты колле-
гий», о которых речь будет далее, согласно его указу, должны бы-
ли быть непременно русскими... А уж в Москве, казалось бы, сам
Бог велел в Ратуше назначить именно «председателя» – и слово
славянское, и признанный синоним «президента»... Или это еще
одно свидетельство влияния полюбившегося Амстердама?.. Ко-
нечно, вероятно и последнее, но, кроме того, еще и оказывается,
что в это время в языке москвитян слова «председатель», судя по
«Словарю русского языка XI–XVII вв.» не было. В нем названы:
предсѣдание – восседание на первом месте; *предсѣдати* – сидеть на
первом, почетном месте; *предсѣдые* – сидение на первом, почет-
ном месте; *предсѣдѣти* – сидеть перед кем-либо, занимать первое,
почетное место (в собрании, суде и т.п.), председательствовать;
предсѣдай – председательствующий, но существительного «предсе-
датель» нет⁶⁵. Как писал академик-лингвист В.В. Виноградов в ста-
тье «Председатель» в книге «История слов», это слово «укрепилось
в русском языке с XVI–XVII вв. под влиянием западноевропейских
président, President, которые в свою очередь восходят к латинскому
praesidens. <...> Можно предполагать, что из западно-русского
языка в XVII в. слово *председатель* проникает в официальный
язык русского государства. Быть может, именно в связи с усили-
вшимся влиянием украинского языка на русский литературный
язык XVII в. расширяется употребление слова *председатель* и в
русском литературном языке. Это слово помещено в «Лексико-
не трязычным» Ф. Поликарпова (1704)»⁶⁶. Мною из статьи
В.В. Виноградова процитированы фрагменты, свидетельствующие
о первичности («под влиянием») латинского «президента» в
сравнении со старославянским «председателем» и влиянии «за-
падно-русского языка в XVII в.», однако, повторяю, ни латинское,
ни западно-русское влияние не способствовало появлению суще-
ствительного «председатель» в «Словаре русского языка XI–
XVII вв.».

Здесь же, полагаю, не помешает справка о термине «президент» в голландско-русских и русско-голландских словарях, в первую очередь, конечно, эпохи Петра. Примечательно, что именно в Амстердаме в 1700 г., т.е. всего через два года после пребывания там Великого посольства, был напечатан первый *иностранно-русский* словарь со своеобразным названием: «Номенклатор на русском, латинском и голландском языках». Опубликовал его Илья Федорович Копиевский (ок. 1651–1714) – просветитель, типограф, переводчик, уроженец Великого Княжества Литовского, который в 1697 г., будучи «служителем Божественного писания» в Амстердаме, был приглашен учителем иностранных языков для «некоторых волонтеров» по прибытии в Амстердам русского посольства. Только личным знакомством издателя с волонтером «Петром Михайловым», т.е. с Петром I, который особо в то время благоволил ко всему голландскому, в том числе и языку, на котором, как отмечалось выше, мог и изъясняться, впору объяснить издание первого голландско-русского словаря. Он представляет собой небольшую книжечку, систематизированную по 48 разделам, например: *О Боге и душах; О болезнях, немощах; О питии; О овощах; О деревни, поле и селе; Имена стран и народов; О мыле или бане* и т.п. Меня, естественно, интересовал раздел *О начале политичны или мирских*, где я надеялся увидеть «президента» по-голландски. Увы, в разделенные на три языковые колонки странички «Номенклатора» уместилось только 31 «политичное» слово без какого-либо «толкования»: *кесарь царь; царь, король; царица, королева; царевич, королевич; наместник; великий князь; казначей; спальник; полковник; голова земской; стряпчий; толмач переводчик; государь; раб холоп слуга* и др. «Президента» здесь, что называется, и близко не было...⁶⁷

Изданный в Москве в 1704 г. «Лексикон треязычный, сиречь речений славянских, еллиногреческих и латинских» «справщика», т.е. редактора Федора Поликарпова (конец 1660-х или нач. 1670-х годов – 1731), одного из ученых мужей Московии, «приводит латинскую форму *praesidentia* как эквивалент русского *председение*, а слово *председатель* передает в форме классической латыни – *praeses*»⁶⁸. И в составленной и напечатанной уже в новой столице России в 1717 г. Я.В. Брюсом «Книге лексиконе или Собрании речей по алфавиту с Российского на Голландский язык» (270 с.), содержащем, по моим подсчетам, более 3 тыс. слов и выражений, нет ни «президента», ни «председателя», ни «пенсионария». Админи-

стративно-политическая лексика словаря также небогата: *власть, желание; власть, правление; власть, начальство; начальник, господин; канцлер; префект, префекство; ратуша; Речь посполитая, республика; царство, королевство...* Этот «Лексикон» – часть переведенной Брюсом книги Вилима Севела «Искусство недерландского языка» (СПб. 1717)⁶⁹.

В современных русско-голландских (нидерландских) словарях (вторая половина XX в.) термины «председатель» и «президент» есть в издании: Raptshinsky B. «Russisch-nederlands woordenboek» (Tweede druk. – Lieden, 1952.): Председатель – voorzitter, praeses, president. (с. 322); Президент – president, praeses (с. 323), а в словаре: Van den Baar A.H. «Russisch-Nederlands woordenboek» (Antwerpen, 1965.) присутствует только: Председатель – voorzitter (с. 160). В отечественных же лексиконах, как то «Русско-голландский словарь» (сост. Ж.И. Пирот. – М., 1961); «Нидерландско-русский словарь» (под рук. С.А. Миронова. – М.: 1993» – соответственно: Председатель – voorzitter, president (с. 698). Президент – président, voorzitter (с. 700); Président – 1) президент; 2) председатель(ствующий) (с. 565).

... Но вернемся в год 1699-й ... С.М. Соловьев доходчиво объяснил суть петровских указов о городской реформе: «<...> государь велел сказать указ всем промышленным людям, чтоб ведались в своих делах и тяжбах и сборах доходов своими выборными людьми в земских избах. Малые города приписывались к большим и составляли с ними провинцию, причем земские бурмистры больших городов ведали земских бурмистров городов, приписанных во всяких делах и сборах и в свою очередь находились в ведении московской бурмистрской палаты, или ратуши, составленной из бурмистров, **выбранных** московскими горожанами; один из этих бурмистров был **президентом и сменялся ежемесячно**. <...> Бурмистрскою палатою начинается ряд преобразовательных мер, которые должны были пробуждать собственные силы, приучать граждан к деятельности сообща, к сохранению общих интересов соединенными средствами, <...>»⁷⁰. Историк госучреждений России Н.П. Ерошкин (1920–1988) также отмечает, что в 1699 г. начала меняться и воеводская власть – основная форма местного управления в царстве конца XVI – начала XVIII в. И меняться опять-таки не без «президента»: посадское население – купечество, ремесленники, мелкие торговцы городов и пригородов – было выделено из-под власти воевод и получило «право выбирать из

своей среды бурмистров, объединявшихся в бурмистерскую (земскую) избу, во главе которой стоял **президент** – должность, исправляемая бурмистрами поочередно, причем «бурмистерские избы подчинялись только Бурмистерской палате (Ратуше) в Москве»⁷¹. Как видим, в новой административной должности историк отмечает и ее выборность (избираемость) и сменяемость руководства Палатой, т.е. элементы будущего коллегиального института президентства.

То что вирус президентства почти стопроцентно подхвачен в Амстердаме, М.М. Богословский едва ли не утверждает, говоря о «повышенном интересе» царя к устройству городов Западной Европы, особенно Амстердама: «От него не могли укрыться черты той самостоятельности, которой пользовались западноевропейские города, эти автономные ратуши и магистраты с выборными – важными и почтенными бургомистрами. Типом такого городского сановника-бургомистра мог быть для него столь сблизившийся с ним в Голландии амстердамский бургомистр Николай Витзен, который мог посвятить царя в некоторые подробности устройства городского управления в Амстердаме. Можно думать, что в тогдашнем московском обществе были люди, склонные приписывать введение городских учреждений 1699 г. именно голландскому влиянию». И хотя далее историк отметил, что «процесс генезиса реформы», предшествовавший указам 1699 г., «остается для нас скрытым»⁷², можно уверенно говорить, что изначальная точка зарождения указа ***О Бурмистерской палате*** 30 января 1699 г. имеет точный политико-географический адрес и дату: Генеральные Штаты (Голландия, или Нидерланды) – Амстердам – август 1697 г. То, что местом рождения идеи этого документа была страна тюльпанов, косвенно подтверждают «Записки» дипломата и мемуариста И.А. Желябужского (1638 – после 1709), в которых под датой 9 февраля 1699 г. (по новому стилю – 30 января) написано об этих декретах:

«... состоялся указ Великого Государя посадским людям, и сказано перед Розрядом всем гостем и всех слобод всяких чинов посадским людям, чтоб они **выбрали промеж себя во всех слободах бурмистров**, а над бурмистрами б были **статы**, и всех бы слобод по выбору ведали их всех они, а до иных приказов им, посадским людям, дела нет. А подлинной Великого Государя указ сказывал Розрядной дьяк Артемей Возницын».

Богословский, комментируя текст, отметил, что «не случайно Желябужский в своих записках, рассказывая о выборах в Москве бурмистров, называет московскую Бурмистрскую палату “статами”, употребляя, может быть, и довольно путано и некстати, термин, применявшийся тогда к обозначению голландского государственного устройства»⁷³. А издатель этих «Записок», историк и переводчик Д.И. Языков (1773–1845), объяснил ничтоже сумняшеся слово «статы» в тексте дипломата как «Статы: **президенты**. См. Указ 1699 января 30»⁷⁴, т.е. и для Петра I, и для всего Великого посольства «статы» ассоциировались именно с Голландией, в которой как раз и были «президенты»... Замечу, что во время второго путешествия в Западную Европу в 1716–1717 гг. Петру довелось еще раз оказаться в Амстердаме на встрече с президентом. Как пишет Голиков, царь, «оставя свиту свою, с малыми людьми нечаянно въехал в Амстердам» и на встречу с ним «присланы <...> от стороны Магистрата **Президент Гоп** и два Бургомистра <...>»⁷⁵.

По протоколам первых выборов в Ратуше Москвы Богословский в 3-м томе своего «Петра I» назвал имена первоизбранных руководителей:

«Лета 7207 [1699] марта во 2 день <...> гости выбрали к 208-му г. в **призиденты** и в бурмистры гостей Ивана Панкратьева, Ивана Семенникова, Логина Добрынина, Ивана Исаева».

В этом же томе в разделе «Городская реформа 1699 г.» историк в нескольких главах рассмотрел роль и функции «президента»⁷⁶. Весьма известную на то время еще одну фамилию в должности президента в Ратуше называет В.О. Ключевский: «Деятельность ратуши особенно оживилась с назначением прибыльщика Курбатова инспектором ратушного правления, т.е. **президентом** совета бурмистров московской ратуши»⁷⁷.

Латинизм «президент», похоже, полюбился «государю царю» и в его указах на стыке веков он нередко встречается как в названиях документов, так и в их текстах:

1699 г. Мая 30. Статьи, присланные из Воронежа в Розряд. – **О выборе Бурмистров о правилах управления делами, надлежащими их ведомству**: «... а из тех Бурмистров быть по их же выбору лучшим людям, по одному человеку помесечно **Президентом**, а переменяться погодно».

Сентября 12. Наказ Нижегородским Бурмистрам из Московской Бурмистрской палаты. – **О выборе таможенных и кабацких Бурмистров и о наблюдении за исправностию таможенных и**

питейных сборов: «...присланы статьи с Воронежа <...> о бытности Сентября с 1 числа 208 году и Его Великого государя всяких расправных дел всего Московского Государства и у приему и у расходу Его Великого Государя казны всяких доходов **Президента** и Бурмистрам, <...>»;

«...а велено ведать Московскому **Президенту** и Бурмистрам; <...>»;

«...без указа Великого государя из палаты от **Президента** и Бурмистров, каковы велено о том послать за печатью, отнюдь ни по какому указу никому не выдавать; <...>»;

«...и подавать в Палату **Президенту** и Бурмистрам; <...>»⁷⁸.

1700 г. Февраля 16. Именный, объявленный Ратуше **Президентом**.

Марта 11. Приговор Ратуши. – **О взятии в посады крестьян** <...>: «По указу Великого Государя и по приказу **Президентов** и Бурмистров <...>».

Сентября 30. – Наказ Брянским Бурмистрам из Московской Бурмистрской палаты. – **О выборе земских Бурмистров и о наблюдении за исправностию Таможенных и питейных сборов:** «Всего Московского Государства у приему и у расходу Его Великого Государя казны и всяких доходов быть в Москве из купецких людей **Президенту** и Бурмистрам, а в городах у сборов всяких доходов велено быть тех же городов жителей, кого выберут всем городом в Бурмистры, а корчемныя выемки ведать им, и посылать от себя; и для того им выбрать из посаду, а Воеводам ведать не велено, а велено ведать их Московскому **Президенту** и Бурмистрам. <...>».

1707 г. Генваря 27. Именный, объявленный Боярином Стрешневым. – **О сформировании Президенту и Сибирских провинций Судье Гагарину драгунскаго полка из Царедворцев и из вольных людей городовых Дворян, солдат, пушкарей и детей их, и ведении ему сбора лошадей с городов**⁷⁹.

«Президент» фигурировал и в реформе местного управления 1708–1715 гг., начатой Указом от 18 декабря 1708 г., объявленным «из Ближней Канцелярии – **Об учреждении Губерний и росписании к ним городов**»⁸⁰. «Для всенародной пользы» царство было поделено на 8 губерний – Московскую, Ингерманландскую (с 1710 г. Петербургскую), Смоленскую, Киевскую, Азовскую, Казанскую, Архангелогородскую и Сибирскую. В 1713 г. была добавлена Рижская, с упразднением Смоленской, а в 1714 г. – Нижегородская и Астраханская. Чтобы поставить работу губернаторов

под контроль, именной указ от 24 апреля 1713 г. *О жалованьи разным лицам; об учреждении при Губернаторах и Вице-губернаторах Ландратского Совета и наказании вредителей государственного интереса* предписывал:

«...3. Учинить Ландраторов в больших губерниях по 12, в средних по 10, в меньших по 8; дела их, то что они все дела с Губернатором делать и подписывать и Губернатор у них не яко властитель но **яко Президент**, и иметь оному только два голоса, а прочим по одному, и никакого дела без оных не делать <...>»⁸¹.

Однако в 1716 г. «Петр отменил свое забракованное сенаторами распоряжение» и «ландрат не стал выборным представителем губернского дворянского общества при губернаторе, а превратился в чиновника особых поручений Сената и того же губернатора», и «губернаторы обращались с ландратами, “яко властелински, а **не яко президентски**”»⁸². Впрочем, указные метаморфозы и не важны здесь, поскольку все равно являются свидетельством того, что термин «президент» был часто, что называется, на кончике именного указного пера царя: он, к примеру, присутствует только в названиях 21 документа из опубликованных в 1717–1724 гг. 426 законодательных актов императора⁸³.

На этом, собственно, можно и закончить *историю явления* первого «президента» на государственной службе в России. И вряд ли стоит оспаривать, что его появление в Московском государстве – заслуга царя, как и то, что московский «президент» вывезен им из амстердамской Ратуши вместе с ключевыми атрибутами демократии – принципами выборности и с ограниченным сроком деятельности и даже с отменой «забракованного сенаторами распоряжения» самодержца, которую отметил Ключевский.

И хотя в России петровского времени было всего 3% городского населения (а именно среди него тогда и работали, условно говоря, «президентские указы»), для истории президентства важен факт внедрения в административный оборот и словарь русского языка ныне одного из важнейших политических терминов. В историографии о Петре I принято едва ли не за аксиому, что он, творя «регулярное государство» с оглядкой, а то и с пристальным вниманием, на Запад, якобы только и занимался укреплением своей монархической власти. Да и аргументы этому постулату искать долго не надо: одни упомянутые здесь «допросы и пытки», «ссылки», «казни» стрельцов – зачастую и с личным участием радикального «преобразителя»! – после первого евротурне чего стоят⁸⁴.

А вот демократии – кстати, слово «демократия» в русском языке известно с XVII в.: «Народовластие. Димократия, народовластие»⁸⁵ – Петр I был якобы чужд. Но тем не менее «президент», хотя и на «местном» уровне – и избираемый! и на конкретный срок! – как говорится, приступил к обязанностям при «коронованном революционере» и «первой свободной личности в России», как охарактеризовал самодержца сторонник революционных буржуазно-демократических преобразований А.И. Герцен (1812–1870)⁸⁶. Даже С.М. Соловьев, весьма далекий от революционных течений, отмечал, что, «несмотря на все разочарования, на все страшные искушения, Петр верил в будущее России, верил в русских людей и в возможность их совершенствования и неуклонно употреблял меры, которыми думал ускорить это усовершенствование. Одной из таких мер он считал **допущение к участию в выборах**; любил сам присутствовать на выборах в Сенате и блюсти за их правильностью и беспристрастием»⁸⁷. Историк писал, что «Петр непременно хотел, чтоб выборы распространили жизнь, самостоятельное движение, общую деятельность и в областях»⁸⁸, то бишь в губерниях.

Но нельзя сказать, что «президент» Ратуши, несмотря на выборность, быстро завоевал позиции повседневной жизни россиян. Об этом свидетельствует использование термина в первой печатной газете «Ведомости», которая по именному указу Петра от 16 декабря 1702 г. ***О печатании газет для извещения оными о заграничных и внутренних происшествиях***⁸⁹ должна была заменить рукописные «Куранты». Говоря о решении Петра начать выпуск печатной газеты, историк российской прессы О.Р. Кудakov пишет, что Петр по возвращении из Европы в 1698 г. «в буквальном смысле впал в “горячку”» из-за отсутствия «более-менее оперативной информации от так полюбившегося ему Запада», в связи с чем и высказывает предположение, что для «Ведомостей» «опыт печатания для царской семьи изданий с ограниченным тиражом имелся» еще с 1700 г. Но теперь Петру уже «нужен был рупор, воздействующий на умы современников, а не читаемый в кулуарах листок, пусть и печатный, почти как тамошний»⁹⁰. Иными словами, нужна была газета по-европейски. Причем, оказывается, что идея «типографских курантов» родилась также во время Великого посольства, и даже едва ли ни в том же Амстердаме: «По расходным книгам дипмиссии видно, как послы, только приехав в Амстердам, сейчас же начинают покупать “куранты”, очевидно, стремясь держаться на уровне последних известий. <...> Покупка газет

вообще стала обязанностью переводчиков»⁹¹. И покупать там можно было много: например в той же Англии, которую Петр посетил во время посольства, число газет с четырех в 1641 г. «выросло до 722 – в 1645 г. и до тысячи наименований спустя несколько лет»⁹². А информационную составляющую для Великого посольства из Московии представляли все те же рукописные кремлевские «Куранты»: С.М. Шамин утверждает, что «до 20 декабря 1697 г. выписки из составленных в Москве курантов пересылались участникам Великого посольства»⁹³. Так что, рождение печатной газеты в России можно считать наравне с появлением термина «президент» в российской лексике, элементом пусть и доморощенной средневеково-самодержавной, но все-таки демократизации зарождающегося при том же Петре российского общества. Говоря же об указе «печатать куранты», непременно стоит сделать акцент на том, что именно глагол «печатать» является здесь основным индикатором процесса. В этой связи не могу не обратить внимания на оценку появления типографий в Европе, сделанную историком русской науки и естествоиспытателем В.И. Вернадским (1863–1945) в лекционном курсе в 1902–1903 гг. «Очерки по истории современного научного мировоззрения»: «Типография явилась могущественным средством для демократизации идей и знаний, вызвала огромное усиление влияния идей и воли личности на сложившиеся общественные отношения»⁹⁴. Увы, подтвержденное историей мнение ученого откровенно диссонирует с данными о российской грамотности – только грамотности! – в петровское время. Согласно примерной численности населения России в 10,5 млн человек в 1678 г. и 14,9 млн в 1719 г., крестьяне составляли соответственно 9,6 и 13,0 млн. человек, городские сословия – 0,5 и 0,6 млн, феодалы, духовенство, чиновники, армия – 0,4 и 1,3 млн⁹⁵. Соответствовала этой цифре и грамотность россиян мужского пола (женское население априори – безграмотно!): в XVII в. среди селян – 2% грамотных, горожан – 8–9, все население – 2–2,5%. В 1797 г., т.е. через век после Великого посольства, «грамотный прогресс» начал настигать империю: сельское население – 3,5%; городское – 13; все – 4% (женское, соответственно – 2 и 5%; всего – 2%)⁹⁶. При этом необходимо помнить, что грамотность того времени было исключительно «духовной», т.е. церковной: азбука, Часослов, Псалтирь⁹⁷. Исходя из этих данных, легко понять, почему, в частности, тот же термин «президент» не вдруг прижился и не получил распространение на Руси Московской. А о том, что та-

кое «европейское нововведение», как газета, «не могло скоро сродниться с жизнью народною и сделаться насущною ее потребностью», отмечал и профессор Московского университета И.М. Снегирев (1793–1868)⁹⁸.

Поскольку литературы о «Ведомостях» довольно много, я предпочел общую информацию о газете передать фрагментарно из статьи о ней в «Советской исторической энциклопедии» (СИЭ): «Газета состояла из неск. листов небольшого размера, набранных обычно в одну колонку без заголовков. Вначале “В.” печатались церк.-слав. шрифтом, который с 1710 был заменен гражданским. <...> Назв. газеты варьировалось: “Ведомости”, “Ведомости московские”, “Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Моск. гос-ве и во иных окрестных странах” и др. Тираж и периодичность издания также не были постоянными (ежегодно от 1 до 70 номеров тиражом от неск. десятков до 4 000 экз.) В “В.” публиковались сообщения о победах армии и флота (реляции), сведения об успехах пром-сти, торговли и просвещения, иностр. информация. **Автором мн. реляций был Петр I**, <...>. С 1727 петровские “В.” были переданы в ведение Академии наук и с 1728 выходили под назв. “Санктпетербургские ведомости”⁹⁹. К этому стоит добавить, что газета, видимо, столь понравилась Петру, что в середине 10-х годов он даже «задумал начать “русскую пропаганду” на Западе»: распорядился «куранты печатные присылать в Европу», но популяризация не состоялась¹⁰⁰ и пока не удалось обнаружить свидетельств о какой-либо реакции Запада на петровское пресс-длитя. Впрочем, к «президентскому вопросу» большинство сюжетов «Ведомостей» прямого отношения не имеют. Кстати, гражданский шрифт для «Ведомостей», царь получил также из Амстердама.

Первого газетного «президента» мне пришлось выискивать в двух томах «Ведомостей времени Петра Великого» за 1703–1719 гг., выпущенных «в память двухсотлетия первой русской газеты»¹⁰¹. Результаты оказались более чем скромными: за 17 лет «президент» встретился лишь дважды, да и тот – импортный:

1705 г. – № 44. «Из Варшавы <...>. **Вице президент** комеский хотел пятого числа <...>»;

1719 г. – № 4. Санктпитербурх. Реляция. – «А из СТОКХОЛМА <...>. <...> Граф Кронгиелм яко **президент** от канцелярии учинил <...>»¹⁰².

В последние семь лет «Ведомостей» европрезиденты, можно сказать, зачастили в русскую империю:

Париж: «...все **президенты** от разных Королевств»; **Копенгаген:** «... Его Величество пожаловал <...> в **Президенты** в Адмиралтействе <...>»; **Гамбург:** «Господин Бароевич **Президент** в консилие <...> теперь поехал в Киль город»; **Вена:** «...**Президент** чинов вышней Аустрии <...>»; **Вена:** «...вылечили графа Виндисграца **Призидента** от Имперскаго Консилиум. <...>»; **Вена:** «**Президент** Тиролского Консилиум <...>»; **Гаага:** «Граф Головкин <...> вручил свою верюшую грамоту <...> **Президенту** от собрания их Высокомочности генералных Статов <...>»¹⁰³.

В сообщении о приеме в доме «Герцога Гольштенского» в Санкт-Петербурге дважды упомянут «**Президент** и Кавалер Господин Фон Басевич»¹⁰⁴.

А вот «президент» российский до 1720 г. лишь единожды – и неожиданно! – означился в сообщении «из Санктпитебурха» в № 23 за 1707 г.:

«От адмирала и **президента** адмиралтейств гдна федора матфееча опраксина писано. Июля в 20 числе нынешняго 1707 году. <...> Посылал он адмирал и **президент** к тем неприятельским войскам генерала <...>»¹⁰⁵.

Оказывается, что еще 22 февраля 1707 г. появился указ Петра, повелевавший «Адмиралтейца Федора Матвеевича Апраксина, во всяких указах и в приказных делах, писать Адмиралом и **Президентом** Адмиралтейства»¹⁰⁶. Так к московскому «выборному» *ратушному* президенту-1699 добавился *указной* президент-1707 в лице первого российского «повелителя моря»¹⁰⁷. Он-то и стал как бы предтечей своего рода президентского оживления на страницах первого печатного СМИ, которое случилось, правда, лишь в 1720-м году, и о котором говорить надо отдельно, как о результате коллежской реформы 1717 г., без введения в которую не обойтись.

Реформа административной системы, проводившаяся Петром I на рубеже 10–20-х годов XVIII в. на принципах камерализма (лат. *самега* – камера, государственная казна), предполагала функциональный принцип управления, коллегиальность, регламентацию и специализацию чиновников и канцеляристов, однообразие штатного аппарата и его содержания. Но начало коллегиальной реформы, в ходе которой и появилось «племя младое, незнакомое», т.е. президенты, в принципе допустимо отнести еще ко времени пребывания Петра в Англии в 1698 г. Именно тогда «...некто

Френсис Ли подал ему в Англии (в 1698 г.) предложение об устройстве семи «комитетов или коллегий»», которое, однако будто бы «прошло совершенно незамеченным»¹⁰⁸. Через четыре года в манифесте царя от 16 апреля 1702 г. ***О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания*** прозвучал «коллегиальный вопрос» – да еще с президентским акцентом! Петр указал манифест, в котором есть пункт с распоряжением, чтобы «из иноземцев, искусных в делах военного штата образовать Тайную военного совета Коллегию, имеющую состоять из **Президента**, Советников, Секретарей и других канцелярских служителей», «по всей Европе обнародовать». Пункт пояснялся: «вышеупомянутый **Президент непосредственно Нам лишь имеет давать отчет в своем управлении**»¹⁰⁹. Так что мысль о необходимости перестройки работы высших и центральных органов царства не оставляла, по выражению Ключевского, «самовластца»: в 1699 г. при Боярской думе, работоспособность которой с конца XVII в. очевидно хирела (с 1704 г. уже нет данных о ее заседаниях), начала работать так называемая Ближняя канцелярия с функциями контроля за приходом и расходом денежных средств приказов. Уместно заметить, что «президент» зафиксирован уже в этом «офисе»: первый учитель Петра, Никита Моисеевич Зотов (ок. 1644–1718), после победы под Полтавой в 1709 г. возведенный в графское достоинство, заслужил звание **генерал-президента** Ближней канцелярии. (К слову сказать, И.И. Голиков в «Деяниях» под 1715 г. рассказывает о приготовлениях к его свадьбе, организуемой самим Петром I на знаменитом «Всешутейшем, Всепьянейшем и Сумасброднейшем Соборе»; среди приглашенных на эту шутовскую маскарад-свадьбу упоминается и «президент»)¹¹⁰. Вскоре заботы Ближней канцелярии стали расти, с 1708 г. ее собрания «превратились в постоянные заседания – Консилии (или Конзилии) министров (так назывались иногда начальники приказов)», на которых обсуждались уже многие вопросы реформируемого госуправления. А от «конзилий» недалеко было и до указа от 22 февраля 1711 г. ***Об учреждении Правительствующего Сената***, должного быть, как предполагалось поначалу, временным органом: «Определили мы для отлучек наших Правительствующий Сенат для управления»¹¹¹. Таковой «отлучкой» для нового органа стал неудачный Прутский поход Петра летом 1711 г. Сенат же быстро стал постоянно действующим высшим правительственным учреждением. В нем стали сосредоточиваться административно-

управленческие, судебные и законосовещательные функции правления, вводилась личная присяга и принцип коллегиального управления, вследствие чего без общего согласия решение в силу не вступало. Коллегиальность в Сенате стала едва ли не главным принципом в постсенатской реформе центральных органов власти, которая заменяла приказную систему, служившую на Руси уже два столетия. В год учреждения Сената монарх получил еще одно предложение о коллегиях: мемориал «рудокопного офицера» Иоганн-Фридриха Блигера советовал «для правильного развития горного дела» «определить коллегий, который состоит в искусных сему художеству особах, которому полную дирекцию сего дела поверить»¹¹².

Как в целом справедливо отмечается в литературе о петровских реформах, первые шаги к перестройке центрального управления Московского царства «были вялы и случайны», поскольку с нулевого года XVIII в. оно воюет, можно сказать, не на жизнь, а на смерть за выход в Балтийское море. Но тем не менее уже в 1702 г. у Петра появилось решение о создании манифестом от 16 апреля 1702 г. **О вызове иностранцев в Россию**, похоже, первой **президентской** коллегии. О его содержании говорилось выше. Но это было едва ли ни разовое обращение царя к коллегиальному вопросу, опять-таки связанное с начатой войной со Швецией. Неспешная разработка проектов введения коллегий началась уже вскоре после образования Сената¹¹³. Согласно исследованию П.Н. Милюкова (1859–1943), «...первая идея об устройстве К[оммерц]-коллегии подана была Петру в 1712 г. неизвестным лицом, советовавшим пригласить для этой цели иностранных купцов и нескольких асессоров из русских подданных. 12 февраля 1712 г. Петр сделал об этом распоряжение», но «русские эксперты находили невыгодными для казны» предложенные комиссией условия, и «на этом, по-видимому, и остановилась деятельность московского “коллегиума о коммерции”»¹¹⁴.

На дате указа – 12 февраля 1712 г. – непременно следует остановиться, поскольку она не соответствует опубликованному законодательству: в ПСЗ под этим числом напечатаны два сенатских, а не петровских указа¹¹⁵. Однако датировка 12 февраля «от Милюкова» закрепилась в современной научной и справочной литературе: в статье «Коллегии» О.Ю. Дроздова датирует указ Петра «об учреждении в Москве Коллегии для управления торговлей» 12 февраля 1712 г. Это же число приводится и в книге В.П. Наумова «Повседневная жизнь Петра Великого и его спод-

вижников»¹¹⁶. Настоящая же дата указа – 16 января 1712 г., а верная цитата из него: «Учинить коллегийум для торгового дела и *оправления*» [в современной литературе читается: «для торгового дела *исправления*»] (курсив мой. – В. И.), дана во втором томе «Русской истории» М.Н. Покровского (1868–1932): «Впервые коллегия является под пером Петра в указе от **16 января 1712 года**, где говорится: “Учинить коллегийум для торгового дела и *оправления*, оную чтоб в лучшее состояние привести, к чему надобно один или два человека иноземцев (которых надобно удовольствовать, дабы правду и ревность в том показали) с присягою, дабы лучший порядок устроить, ибо без прекословия есть, что их торги несравненно лучше есть наших”»¹¹⁷. Сам же документ как «именный, в пунктах» от 16 января 1712 г. входит в 22-й пункт (из 26-ти) второй части текста указа «**О штрафах с офицеров за побег солдат ..., о Украине, ...**», которая названа «Расположение о Украине в будущую компанию». Отсюда и процитирован М.Н. Покровским текст с незначительной редакцией¹¹⁸. Следует обратить внимание, что П.Н. Милюков в своем капитальном труде «Государственное хозяйство России ...», откуда им перенесена дата 12 февраля 1712 г. в «Словарь Брокгауза и Ефрона» для статьи «Коммерц-коллегия», дает ссылку после своего цитирования документа: «Этот указ известен мне только из дел сената кн. 8/78, л. 641»¹¹⁹. На ссылку не было обращено внимание, хотя она однозначно указывает, что историк по каким-то причинам к ПСЗ не обращался. Этим, уверен, и объясняется ошибка в датировке. Отмечу также, что о президентском руководстве в указе 16 января 1712 г. речи еще не было.

После того как Петербург стал официальной столицей Российской империи (19 мая 1712 г.)¹²⁰, с 1715 г., когда забрезжил благополучный исход войны со Швецией, царь уже в новой столице стал пристальнее интересоваться делами внутреннего благоустройства подвластных земель, в том числе и реформой центральных органов власти. В частности, в середине января 1715 он сделал запись на память о трех коллегиях, а 23-м марта датируется его записка «о коллегиях, к соображению», в которой перечислено уже шесть коллегий¹²¹. В том же году появляется и первая – Коммерц-коллегия, созданная для покровительства торговле. Однако как система, или институт, коллегияльная реформа заработала в конце 1717 г. В ней первостепенное значение имеет указ Петра от 15 декабря **О назначениях в Коллегиях Президентов и Вице-**

Президентов, который смело можно называть и **президентским**, поскольку в нем названы девять фамилий президентов и шесть вице-президентов:

<i>«Коллегии»¹²²:</i>	<i>Президенты:</i>	<i>Вице-Президенты:</i>
Иностранных дел:	Канцлер Граф Головкин.	Подканцлер Барон Шафиров.
Камер.	Князь Дмитрий Голицын.	Барон Нирот.
Юстиц.	Тайной Советник Андрей Матвеев.	Из Риги Вице-Президент Бреввер.
Ревизион.	Генерал-Пленипотенциар Крис-Коммисар*	Князь Долгоруков.
Воинская.	Первой Фельдмаршал Князь Меншиков,	другой Генерал Вейд.
Адмиралтейская.	Генерал-Адмирал Граф Апраксин.	Вице-Адмирал Крейс.
Коммерц.	Тайной Советник Петр Толстой.	Шмит.
Штатс Кантор.	Тайной Советник Граф Мусин-Пушкин.	
Берг и Мануфактур	Генерал и Фельдцейхмейстер** Брюс» ¹²³ .	

Этот указ произвел в 1720 г. можно сказать президентский бум на страницах «Ведомостей», когда для публики были пропечатаны фамилии сразу четырех президентов коллегий и одного вице-президента:

«...**президент** Юстиц коллегии, господин Граф Матвеев»;

«...Штатс Кантор Коллегии **Президент** Господин Мусин Пушкин»;

«...берг и мануфактур коллегии **президента** Господина Брюса»;

«...Князь Яков Федорович Долгорукой, <...> **Президент** Ревизион коллегии умре»;

«...Юстиц Коллегии **Вицепрезидент** Господин Бреввер»¹²⁴.

Стоит отметить, что первый президент нового центрального органа власти появился в печати в 1720 г., когда начал официально действовать «объявленный из Сената» именной указ от 12 декабря 1718 г. *Об управлении во всех Коллегиях и в Губерниях с 1720 года по новому порядку и о разделении дел между коллегиями*¹²⁵. В 1721–1726 гг. в «Ведомостях» отметился один президент, три вице- и один обер-:

* Генерал-пленипотенциар-крисг-коммисар – глава комиссариатского ведомства, занимавшегося обеспечением армии вещевым и денежным (1711–1713), а впоследствии и провиантским довольствием (1713–1716).

** Воинское звание, чин и должность главного начальника артиллерии.

«...**Президент**, Преосвященный Митрополит Рязанский, и два **вицепрезидента** <...>»;

«...Правительствующаго СИНОДА **Вицепрезидент**, Преосвященнейший Феодосий <...>»;

«...главнаго магистрата **обер Президент** Господин князь Юрье Юрьевич Трубецкой <...>»;

«...Святейшаго Синода **Вицепрезидент**, Феофан Архиепископ Новгородский <...>»¹²⁶.

Так термин «*президент*», что называется, пошел в народ и, можно сказать, начал формирование института российского президентства, если к этому речевому обороту применить цитированную в начале работы формулировку о нем, как «определенном классе организаций» с «устойчивой формой организации совместной деятельности людей, реализующих определенные функции в обществе».

Именным указом от декабря 1718 г. *О должности Сената* Петр установил:

«1. Сенату надлежит состоять из **Президентов** Коллегий (и кроме их никакой незваной персоне не входить в то время, когда советы отправляются <...>»¹²⁷.

До этого указа в составе Сената уже присутствовали президенты Ревизион- и Штатс-контор-коллегий, и до 1722 г. президенты были непременными членами Сената, но затем в нем остались только главы Адмиралтейской, Военной и Иностранной коллегий, а остальные были выведены из присутствия в высшем государственном органе самим же Петром, который мотивировал решение тем, что президенты «не могут сами себя судить» «понеже... свои коллегии имеют...».

Формирование института президентских коллегий не обошлось указом 15 декабря 1717 г. Несколькими днями ранее – 11 декабря – был составлен таковой же *О выборе Советников и Ассессоров*:

«Выбирать Советников и Ассессоров **Президентам** сим образом: 1. Чтоб не были его сродники или собственные креатуры. 2. Ко всякому делу выбрать по два или по три человека, а потом представить в собрании всех Коллегий и выбирать балатиром в здешния коллегии. 3. В Канторы по Губерниям посылать из Коллегий добрых людей, и там чтоб выбирать таким же образом с присягою»¹²⁸.

Баллотировка и выборность – ключевые слова указа, свидетельствующие, повторю, об определенном стремлении главы государства хотя и к самодержавной, но все-таки до некоторой хотя бы административной демократизации в управлении госслужбой. Следует сказать, что баллотировке в коллегиях Петр посвятил даже отдельный именной указ от 19 февраля 1720 г. ***О баллотировании, и как во оном поступать надлежит***, в котором, в частности, отмечается, что ее надо «начать от **Президента**»¹²⁹. Это, похоже, свидетельствует о стремлении Петра именно к *советской* форме принятия решений в коллегиях, в которых, в отличие от приказов, учреждались именно советы. В качестве иллюстрации к этому положению можно сослаться на запись в 50-й главе «Устава воинского» от 30 марта 1716 г.: «Понеже все лучшее устройство чрез советы бывает»¹³⁰. 11-го же декабря 1717 г. был объявлен именной указ ***О Штате Коллегий и о времени открытия оных***, в котором объявлялось, что президентами коллегий могут быть только «русские», а вот вице-президентами – «(Русской) или иноземец». Здесь же предписывалось:

«**Президентам** с новаго года сочинять свои Коллегии и ведомости отсюда брать, а в дела не вступаться до 1719 году, а с будущего году конечно зачать свои Коллегии управлять».

За этим распоряжением следует как бы заметка на полях:

«...а понеже новым образом еще не управились, того ради 1719-го управлять старым манером в тех Коллегиях, в 1720 новым **Президентам**, которые ныне не в Сенате, сидеть в Сенате с будущего 1718 году»¹³¹.

Здесь в первую очередь надо отметить стремление Петра к сохранению именно русской природы в руководстве новых учреждений, а также предоставление года («в дела не вступаться до 1719 году») на то, чтобы приладиться в новой структуре, что свидетельствует о прочувственном понимании реформатором новизны преобразования. Именно об этом говорит и упоминавшийся указ 12 декабря 1718 г. ***Об управлении во всех Коллегиях и в Губерниях с 1720 года по новому порядку и о разделении дел между коллегиями***:

«В Коллегиях дела управлять в будущем 1719 году старым, а с 1720 года новым манером, понеже новым манером еще не управились; такожде и в Губерниях до 1720 года управлять по-прежнему, как управляли по Его Царского Величества указам Губернаторы с товарищи; того ради во все Губернии и в Канцелярии и в Приказы объявить указами, дабы по посланным из тех Колле-

гий указам во всем были послушны; а какое дело в которой Коллегии по Его Царского Величества указу управлять велено, и в чем им Губернаторам с товарищи в коей Коллегии надлежит быть послушным, о том при указах послать ведение».

В этом же указе дан *Резстр коллегиям. О должностях Коллегий, что в которой управляти надлежит*, в котором названы девять коллегий. Название первой по списку коллегии, которая в указе 15 декабря 1717 г. именована как «Иностранных дел», здесь изменилось: «1. Чужестранных дел (что ныне Посольский приказ)»¹³².

Заканчивая *указной* обзор формирования института президентских коллегий отмечу, что под реформу светских учреждений попала и православная церковь: 25 января 1721 г. Петром был подписан огромный, на 30 с лишним страниц печатного текста, *Регламент, или Устав Духовной Коллегии*¹³³. Открывающий его «Манифест» по президентскому вопросу предписывал:

«...в сей Духовной Коллегии быть именованным zde[сь] Членам: единому **Президенту**, двоим **Вице-Президентам**, четырем Советникам, четырем Ассессорам».

Дозволялось Коллегии «и новыми впредь правилами дополнять Регламент свой, <...>», но «делать сие должна Коллегия Духовная не без Нашего соизволения». Не запаматовал автор «Регламента» и о правосудии над «духовным» руководителем: если Президент «знатно прегрешил», то ему «надлежати имать суду своея братии», почему «ради определяем и голос оному един с прочими равный»¹³⁴. Это была фактически десятая *указная* коллегия, хотя в этом статусе орган церковно-государственного управления просуществовал лишь три недели: 14 февраля 1721 г. Духовная коллегия была официально открыта как Святейший Правительствующий Синод. Впрочем, президентская система руководства осталось.

Стоит отметить, что наряду с девятью (или десятью, если считать Духовную) *профессиональными* коллегиями, институт коллегиального президентства вскоре после указа от 15 декабря 1717 г. пополнился двумя, можно сказать, *сословными*: Главным магистратом и Вотчинной коллегией. Первый заработал по указу Петра, «данном Сенату» 13 февраля 1720 г. *О назначении князя Трубецкого Обер-Президентом С. Петербургскаго и прочих Магистратов*, который предписывал:

«...По получении сего объявите Бригадира Господина Трубецкого, над здешним и прочими Магистраты **Обер-Президентом**,

и чтоб он ведал всех купецких людей судом, и о их делах доносил в Сенат и разсыпанную сию храмину паки собрал. В товарищи ему над здешним Магистратом **Президента** определите Илью Исаева»¹³⁵.

Главный магистрат (лат. Magistratus – «начальство»; сословный орган городского управления), как пишет историк, «...собрал и соединил “разсыпанную храмину” городского сословия». Его регламент «подробно определил многообразие функций этой коллегии, которые заключались в создании магистратов и снабжении их уставами и инструкциями, а также руководстве выборами в них; в надзоре за выполнением магистратами административно-полицейских и судебных функций; охранении сословных привилегий горожан и “защите купцов и ремесленников от обид и притеснений” <...>». Члены новой структуры – бургомистры и ратманы – назначались, естественно, царем¹³⁶. По именному же указу Петра *Об отделении Вотчинной Конторы от Юстиц-Коллегии, и о преобразовании оной Конторы в Вотчинную Коллегию*, «данном Сенату» 18 января 1722 г., в институте президентства появилась вторая сословная коллегия:

«Понеже Вотчинная Контора хотя Юстиц-Коллегии и подчинена, однакож разсужается, что и опричь той Конторы, за умножением в той Коллегии судных, розыскных, фискальских и других дел, в решении оных не без остановки, а челобитчикам не без волокиты; и дабы онаго впредь избыть: того ради определяем быть Вотчинной Коллегии особой, и ко управлению во оную в **Президенты**, учиня присягу, выберите из всяких чинов человек трех и представьте Нам»¹³⁷.

Юстиц-коллегии при ее создании был подчинен Поместный приказ, ставший в ней Вотчинной канцелярией. Последняя была преобразована в коллегию и прописана в Москве, а сферой ее интересов и занятий было дворянское землевладение.

Замечу, что в результате реформы 1717–1721 гг. 11 коллегий заменили 44 приказа, работавших в конце XVII в.¹³⁸, но всех ветвей уже имперского хозяйства они не смогли охватить: «дворцовое, ямское, медицинское, строительное управления и другие дела» управлялись по приказной старинке¹³⁹. Отдельные регламенты коллегий 1718–1720 гг. и общий 1720 г. *Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейшие поступать имеют*¹⁴⁰

определяли «функции, структуру, штаты коллегий», в каждой из которых было «присутствие, состоявшее из **президента, вице-президента**, 4 советников, 4 ассессоров и секретаря. <...> В 18 в. количество К[оллегий] не было постоянным. В 1722 была, напр., ликвидирована Ревизион-К[оллегия] и позже восстановлена. Для управления Украиной в 1722 была создана “Малороссийская коллегия”»¹⁴¹.

В представленной информации не названа модель, которой следовал преобразователь, замышляя и осуществляя эту реформу. А именно период, на который приходится ломка приказной архаики XVI–XVII вв., В.О. Ключевский авантюжно назвал «эпохой шведомании». И нововведения – яркий пример переустройства центральных органов управления именно по шведскому образцу. Историк образно объяснил, почему царю приглянулась шведская система коллегиального управления как образец: «На эти учреждения он смотрел взглядом корабельного мастера: зачем изобретать какой-то особый русский фрегат, когда на Белом и Балтийском морях прекрасно плавают голландские и английские корабли»¹⁴². Кроме классических трудов С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, я познакомился с некоторыми материалами специальной литературы по коллегиально-«шведскому вопросу»¹⁴³, которая показала, что у монарха было четкое отношение к применению зарубежного опыта в реформах. В указе от 4 апреля 1718 г. он рекомендовал Комиссии для сочинения морских уставов следующее: «Выписать из аглинских, французских, датских, шведских и голландских уставов и привести попунктно с каждой материи, зачав аглинским, а к оному из прочих приводить в обеих книгах», после чего «следовало вносить необходимые дополнения и исправления с учетом опыта, накопленного самой Россией». В указе от 28 апреля того же года о сочинении регламентов коллегиям царь обязывал, «чтобы те пункты из шведских уставов и инструкций, которые “неудобны или с ситуациею сего государства не-сходны, и оные ставить по своему рассуждению”». Как резюмирует исследователь процитированные директивы реорганизатора, «его интересовала не столько форма, сколько существо дела, ибо он критически относился к иностранному опыту, ставя на первое место обобщение существовавшей практики и учет особенностей развития России»¹⁴⁴. Конкретно о времени появления у Петра I интереса именно к шведским коллегиям сказать трудно, но в фонде Кабинета Петра Великого в РГАДА «хранится любопытный соб-

стенноручный указ Петра I (к сожалению, без даты) генералу кн. И.Ю. Трубецкому с требованием о присылке им полного комплекта шведских законов, “рангов и звания” всех коллегий и пр.»¹⁴⁵. И еще для доказательства важности «шведского» сюжета сошлюсь на цитату из «проекта и изложения» шотландца барона Анания-Христиан фон Любераса фон-Потт-отца, представившего царю в 1719 г. «подробное описание шведских государственных учреждений и мемориал относительно возможности применения шведских административных порядков в России»:

«Шведския Государственныя канцелярии, Военная и Адмиралтейская коллегии находились во времена Каролуса XI [Король Швеции Карл XI (1655–1697)] при справедливой и довольно неподражаемой правильности и поелику сего ради коллегии помощь прозорливаго Вашего Царскаго Вел. сведения и ревностнаго размышления через предо предназначенных **президентов** в известную прочность приведены, то я единственнаго ради с государственным домостроительством сопряжения в предложенном от меня проекте вообще предлагаю существенность оных»¹⁴⁶.

Здесь же непременно здесь следует отметить, что и сам Ф. Вольтер в упоминавшейся выше «Истории Российской империи» хотя и коротко, но упомянул петровскую «шведоманию»: «Большая часть законов, им [Петром I. – *В. И.*] изданных, взяты из законов Швеции, он без всякого затруднения допустил в судебные места шведских пленников, сведущих в законодательстве своего отечества, они, узнав язык русский, захотели остаться в России»¹⁴⁷. Отмечу также, что шведский сюжет в реформе не обошелся даже, что называется, без «засланного казачка». Историк Н.П. Павлов-Сильванский (1869–1908) в статье об уроженце Гамбурга Генрихе фон Фике (1679–1750 или 1751) говорит, что он был рекомендован Петру I еще в конце 1715 г. как «очень способный человек и знаток шведских “коллегий и прав”». Царь отправил его «в командировку в Швецию» с поручением «собрать материалы для проектированной коллегияльной реформы и пригласить в Россию опытных чиновников-шведов». Фик «прекрасно исполнил это секретное поручение во враждебной стране, сопряженное со значительной опасностью» и «собрал обстоятельные сведения об устройстве шведских коллегий, с полным знанием дела», и даже «вывез “несколько сот регламентов и разных ведомостей”». В дальнейшем «секретный агент» царя дослужился до действительного

статского советника и даже отметился в «президентском корпусе», став **вице-президентом** Коммерц-коллегии в 1726 г.¹⁴⁸

А ответ на естественный вопрос, почему же именно Швеция стала едва ли не моделью для коллегиальной структуры центральных органов власти петровской России, можно найти в статье историка государства и права А.Г. Манькова (1913–2006) «Использование в России шведского законодательства...»: хотя «в плане социально-экономическом <...> Швеция занимала промежуточное положение между отсталой феодальной Россией и передовыми буржуазными странами в лице Англии и Голландии», однако «в политическом отношении Швеция в XVII – начале XVIII в. была страной абсолютизма. <...> Швеция была страной развитой бюрократической системы управления, коллегиальной по форме. На коллегиальных началах еще с первой половины XVII в. были основаны Канцелярия, Палата, а также придворный суд. Еще при Густаве II Адольфе¹⁴⁹ была создана сильная национальная армия, комплектуемая путем рекрутских наборов, в то время как в других странах Европы были преимущественно наемные войска. Указанные черты экономического, социального и политического строя Швеции в значительной степени отвечали задачам реформ в России первой четверти XVIII в. и объясняют, почему Петр I намечал наибольшие заимствования из системы шведского управления и законодательства»¹⁵⁰. Е.В. Анисимов, отмечая такую «особенность работы Петра I с иностранными образцами реформ» как стремление «приспособить иностранные институты к русской действительности, “спустить”, по его терминологии, с русским обычаем», утверждает, что хотя «в Швеции того времени коллегии не были единственными и главными органами власти», и они «появились как один из элементов разветвленного шведского государственного устройства, в котором ключевую роль играл риксдаг – четырехсословный парламент, а также Государственный совет – риксрод, ставший высшим коллегиальным органом управления и суда», т.е. «абсолютизм в Швеции не имел таких прочных корней, как самодержавие в России», тем не менее «Петра I совершенно не интересовали никакие другие части механизма власти Швеции, кроме коллегий»¹⁵¹. Кстати, когда в 1614 г. появился Высший суд Швеции, его **президентом** стал государственный дротс (одна из высших должностей в Скандинавии того времени); в 1680 г. Государственный совет Швеции стал называться королевским, были отменены высшие аристократические должности, а риксканцлер

(глава правительства) стал называться **президентом** канцелярии¹⁵². Впрочем, «шведомания» легко прочитывается в «именных указах» преобразователя. Сошлюсь в качестве примера на пару таковых из 1718 г.:

28 апреля – *О сочинении Регламента всем Коллегиям, на основании Шведского Устава по пунктам и о составлении проекта по тем предметам, которые в Шведском Уставе определены несходно с положением Российского Государства и о поднесении по сему доклада Царскому Величеству*, который предписывал «всем Коллегиям» «ныне на основании Шведского Устава, сочинить во всех делах и порядках по пунктам; а которые пункты в Шведском Регламенте не удобны, или в ситуациях сего государства несходны, и оные ставить по своему разсуждению, и поставя об оных, докладывать, так ли им быть». Публикация этого документа в 1830 г. сопровождается «примечанием»: «Таков указ состоялся Апреля в 28 день и отданы таковы указы за прописанием Его Царскаго Величества руки **Президентам** от трех Коллегий, а именно: Камер Коммерц, Ревизион и Военной Коллегиев»¹⁵³.

11 июня – *О своде Шведского Регламента во всех Коллегиях с Русским; о представлении Сенату разногласий и о подписывании рапортов Президентам с Вице-Президентами*: «К первым указам о Регламенте Коллегий надлежит Шведской Регламент во всех Коллегиях с Русскими сводить (как прежде дано) и перво всякому своей Коллегии определять, а что переменить и каким образом оному быть, оное поставя, приносить в Сенат, одну Коллегию по другой; а в Сенате оныя спорныя дела решить и ставить свое мнение, и готовить тогда в доклад, где буду присутствовать и ставить на мере; рапорты подписывать **Президентам и Вице-Президентам**»¹⁵⁴. (Отмечу в скобках, что в «Толковании иностранных речей, которые в сем регламенте» (1720) встречаются, термин «президент» не фигурирует – прижился, видимо, в российском словаре).

В материале, посвященном «шведскому вопросу», М.М. Богословский замечает, что «менее всего можно упрекнуть Петра в намерении рабски копировать заграничные учреждения. В целом ряде указов весьма ясно выражается его желание вводить в России только те из них, которые можно ввести сообразно с русским бытом и условиями русской действительности»¹⁵⁵. Различия между коллегиями России и Швеции рассматривает также Л.Ф. Писарькова в монографии «Государственное управление Рос-

сии с конца XVII до конца XVIII века»¹⁵⁶, к материалам которой я буду обращаться.

В книге Е.В. Анисимова «Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века» в главе «Штаты коллегий. Жалование служащих и расходы на содержание коллегий» обстоятельно перечислены положение, обязанности и функции президента и его заместителя. Для понимания их места в бюрократической иерархии петровской коллегиальной системы целесообразно привести хотя и пространную, но, на мой взгляд, необходимую цитату из этого труда современного исследователя. Согласно Генеральному регламенту, президент и вице-президент «“вышние главы суть и в лице Е. ц. в. [Его царского величества] сидят ради управления всех дел в коллегии”», т.е. президент или вице-президент управляли делами коллегии от имени царя. Кроме того, они должны были бдеть “каждого верность, прилежность и поступку”, а также “смотреть, чтобы служители при коллегиях, канцеляриях до последнего должность свою знали”. <...> Особое положение президента в коллегии подчеркивалось тем, что члены коллегии были обязаны ему “достойное почтение и респект, и послушание чинить и по указам в делах, которые Е. в. Высокой службы и интересов касающца, поступать”, вставая при его появлении». В случае равенства голосов членов коллегии «голос президента имел решающее значение. Президент имел собственный кабинет, секретаря, обладал исключительным правом сношения с Сенатом, а также, как показала практика, и с самим царем. Он единственный, кто мог распечатывать конверты с именными или сенатскими указами. И все же совокупность законодательных норм о президенте говорит о том, что реформатор сделал все, чтобы президент ничем не напоминал единовластного судью или начальника канцелярии. Президент коллегии – лишь первый среди равных членов коллегиального совета, и не случайно он назывался “правителем”». (В Генеральном регламенте, кстати, термин «правитель» один раз использован как синоним термина «президент»). Петр I «был очень щепетилен в определении власти президента. Он уже в первых набросках о коллегиальном строе писал о недопустимости такой обширной власти, какой располагали “старые судьи”¹⁵⁷. <...> В определении должности не случайно подчеркивалось, что члены коллегии обязаны быть послушны в делах, “которые Е. в. высокой службы и интересу касающца”. Далее следует предписание, что “не надлежит президентам данную им от Е. ц. в.

власть презирать и членов того коллегия ничем не отягощать, чего они против чину и должности своей исполнять не должны; толь наименьшее – жестокими и чувственными словами укорять... Но все дела коллегияльным членам по благоизобретению всего коллегия давать и у каждого по состоянию особы его погрешения наказывать” <...>. Выражая “комплименты” президенту, члены коллегии не имели права оказывать ему особые знаки внимания – провожать его, заседать в его доме, приходить туда (кроме экстренных случаев) с делами. Принимать дела от секретаря президент мог только в коллегии, да и то в присутствии других членов коллегии. Все конверты с донесениями в коллегияю подписывались “на коллегияю, а не на имя президентов или членов” <...>. Президент и вице-президент были обязаны наблюдать за служащими, чтобы каждый “свое дело знал и верно и прилежно исправлял”, да еще “каждого к добродетели и достохвальному любочестию побуждали” <...>. Но и сам президент находился под постоянным контролем своих подчиненных. Когда он что-либо по службе забывал, то члены коллегии были обязаны ему “с надлежащим почтением” “припамятовать и изъяснять”. Кроме того, за нарушение некоторых положений президент рисковал попасть под штраф и даже арест <...>. Особое наказание в виде лишения должности (“извержение яко коварника, а не правителя”) следовало при попытке президента утаить поданные ему доношения и челобитные. Общий смысл всех этих и других норм законодательства сводился к тому, чтобы переломить старую практику господства в учреждении его руководителя, который вел себя в нем, как в удельном владении. <...> Должность вице-президента была определена кратко: “Вице-президент есть товарищ президенту, а в небытность его должен все то исправлять, что надлежит президенту”. <...> В шведских коллегиях такая должность была только в трех коллегиях, в России же она была признана обязательной для всех коллегий. Отчасти это было связано не только с большим объемом работы русских коллегий, но и с тем, что первые вице-президенты русских коллегий сплошь были иностранными специалистами. По идее реформатора, они предназначались на роль квалифицированных помощников русских президентов в тонком деле коллежского управления. Если президенты и вице-президенты назначались царем или по его указу Сенатом, то члены коллегии, советники и ассессоры, подбирались президентами и утверждались Сенатом. <...>»¹⁵⁸.

Масштабам работы коллегий, их штатам и функциям сотрудников в монографии В.П. Наумова «Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников» посвящен раздел «Коллежские президенты». Здесь, в частности, обращается внимание на то, что ближайшие сподвижники царя в первом составе коллегий стали президентами. Этот известный факт Е.В. Анисимов прокомментировал: «Между членами коллегий не было равенства. <...> Оказать сопротивление такому президенту было практически невозможно, и протоколы коллегий за многие годы не сохранили ни одной записи о спорах или разногласиях в коллегии, которые разрешились бы процедурой голосования. Все решения принимались единогласно, и коллежская система в этом смысле напоминала практику учреждений XVII в., когда в приказном приговоре отмечалось, что суд “с товарищи” приговорил ... и т.д.»¹⁵⁹. Объем переписки коллегий с подчиненными учреждениями Наумов называет «колоссальным»: «за год через канцелярию коллегии проходило почти 4,5 тысячи документов», хотя «численность коллежских чиновников была относительно невелика. Например, в 1723 году в руководимой неграмотным А.Д. Меншиковым Военной коллегии служили 353 человека, в Адмиралтейств-коллегий под началом Ф.М. Апраксина находились 233, в Камер-коллегии у А.Л. Плещеева¹⁶⁰ – 228, в Коммерц-коллегии у И.Ф. Бутурлина¹⁶¹ – 131. В общей сложности в коллегиях состояли 1,5 тысячи чиновников, которые за год обрабатывали как минимум 207 тысяч бумаг. Соответственно, за первые пять лет существования коллегий число входящих и исходящих документов должно было перевалить за миллион (при десятиллионном населении)»¹⁶².

Если говорить о преимуществах коллегиального управления в сравнении с приказным, то непременно надо напомнить, что еще Ключевский отметил: коллегии «вносили в управление два начала, отличавшие их от старых приказов: более систематическое и сосредоточенное разделение ведомств и совещательный порядок ведения дел»¹⁶³. Последнее подтверждают уже цитированные слова Петра I, что «все лучшее устройство через советы бывает». Да и по словам современного исследователя, «история коллежской реформы 1718–1724 гг. существенно отличалась от государственных преобразований предшествующего периода. Петр I на этот раз не шел вслепую. Во-первых, он довольно много знал о коллегиях, и, во-вторых, в реформах он исходил из ряда важнейших положений, которые придали всему, что он делал, стройность, логичность и определенность. И когда он умер, здание российской государст-

венности хотя и оставалось в лесах, но было почти готово, его внутренняя идеологическая конструкция, скелет обеспечили этому зданию весьма долгую жизнь»¹⁶⁴.

Несмотря на очевидную масштабность реформы, от всех приказов, которых в начале царствования Петра I насчитывалось порядка 80, избавиться не удалось: «после реформы продолжали действовать около двух десятков центральных учреждений приказного типа»¹⁶⁵. К примеру, Сибирский приказ был упразднен лишь в 1763 г. Но, как известно, едва ли не всегда преимущества реформаторского процесса конвоируются недостатками. Для коллегиальной реформы Петра это – очевидная нехватка «квалифицированных, опытных кадров» и «зачаточное состояние» «системы финансирования государственного аппарата». Главным стало то, что «принцип коллегиальности, любимый и лелеемый Петром I, в российских условиях оказался нежизнеспособным», поскольку лишил президента власти, ибо «все решения достигались путем голосования», а он был лишь «первым среди равных». Так что, по словам исследователя, «отдельные демократические процедуры или даже целые институты, вводимые в систему власти, построенной на недемократических принципах, с неизбежностью превращаются в фикцию»¹⁶⁶. История коллегий, а с ними и их президентов и вице-, в *постпетровскую* «эпоху императриц» до конца XVIII в. – тема отдельного исследования. Лишь замечу, что определенная коллегиальная чехарда, если можно так выразиться в отношении закрывающихся и вновь открывающихся центральных органов власти, началась вскоре после смерти основателя института: в 1727 г. упразднен Главный магистрат, в котором с 1723 г. президентом был князь А.Г. Долгоруков; та же участь постигла Коллегию экономии и Малороссийскую коллегию с президентом, бригадным генералом С.Л. Вельяминовым (1670–1737), деятельность которого «вызывала множество жалоб на произвол и злоимство»¹⁶⁷. При Екатерине II число коллегий (12) сокращалось, а при кратковременном правлении Павла I было восстановлено, причем, в них «президенты имели бо́льшие права, а некоторые коллегиальные учреждения возглавлялись “министрами”». Об очевидном вырождении системы коллегиального руководства центральными органами власти империи может служить такой неприметный факт: сам Павел I (1754–1801), с 1762 г., т.е. с восьми лет от роду, до воцарения в 1796 г. президентствовал... в Адмиралтейств-коллегии. И «новая система управления – министерская, основанная на принципе единонача-

лия», созревшая «еще в недрах коллегиальной системы», заявила о себе манифестом от 8 сентября 1802 г., по которому были созданы восемь министерств во главе с министрами и их замами – товарищами министров. В их состав вошли и коллегии¹⁶⁸.

Коллегиальная реформа Петра Великого, несмотря на очевидные издержки, стала своеобразным генофондом для российской бюрократии, поскольку президенты и их вице-оказались на острие процесса, которым началось ее формирование. Как пишет Н.И. Павленко, «ее [бюрократии] возникновение мы связываем с появлением уставов, наставлений, инструкций, определяющих унифицированные для всей страны функции каждого учреждения и персонала, его обслуживающего»¹⁶⁹. Правда, «Словарь русского языка XI–XVII вв.» слова «бюрократия» не фиксирует, а вот «Словарь русского языка XVIII в.» отмечает появление лишь слова «бюро» в значениях «письменный стол с выдвижной крышкой и ящиками» и «канцелярия, контора (во Франции)» лишь в 1769 г.¹⁷⁰. Но именно из петровской реформы центральных органов власти две руководящие должности коллегий – президент и вице-президент – из центра перешли и в местные органы власти еще при Петре. В упоминавшейся работе Л.Ф. Писарьковой о государственном управлении России с конца XVII до конца XVIII в. публикуется объемная «Ведомость о служащих центральных и местных учреждений. 1726 г.», из которой среди прочего видно, что «президент» и «вице-президент» обосновались не только в центральных органах власти, но и в органах местного управления – магистратах и надворных судах, или хофгерихтах. Последние образованы под влиянием судебной системы той же Швеции и учреждены именным указом Петра I от 8 янв. 1719 г. ***О городах, в которых быть Гофгерихтам:***

Гофгерихтам быть: в Петербурге, в Москве, в Курске, в Ярославле, в Нижнем, в Смоленске, на Устюге Магистрат, в Тобольске¹⁷¹.

Судебная реформа Петра, основной задачей которой являлось отделение судов от администрации, проводилась одновременно с административной реформой. Сенат и Юстиц-коллегия стали обладателями функций верховного суда; все Российское царство делилось на 11 судебных округов, которые и ведались «гофгерихтами или надворными судами». Их присутствие состояло, как и в Юстиц-коллегиях, также из президента, вице-президента и шести членов, получивших название судей, советников или асессоров. Надворных судов не было только в Архангельской и Астра-

ханской губернии¹⁷². Согласно «Ведомости о служащих», в 1726 г. президенты и вице-президенты обнаруживаются в губерниях:

Рижская: надворный суд – **вице-президент**;

Ярославская: надворный суд – **вице-президент**; магистрат – **президент**;

Московская: надворный суд – **президент**;

Смоленская: надворный суд – **президент** и **вице-президент**; магистрат – **президент**;

Белгородская (Курск): надворный суд – **президент** и **вице-президент**; магистрат – **президент**;

Воронежская (Воронеж): надворный суд – **президент** и **вице-президент**;

Нижегородская: надворный суд – **президент** и **вице-президент**;

Казанская: надворный суд – **президент** и **вице-президент**; магистрат – **президент**;

Астраханская: магистрат – **президент**;

Архангелогородская: магистрат – **президент**;

Вологодская: магистрат – **президент**;

Сибирская (Тобольск): надворный суд – **президент** и **вице-президент**; магистрат – **президент**;

Енисейская (Енисейск*) : надворный суд – **президент** и **вице-президент**.

В центральных учреждениях – коллегиях, Главном магистрате и Медицинской канцелярии¹⁷³ (все в Петербурге) и Малороссийской коллегии в Глухове Киевской губернии¹⁷⁴ – президенты и вице-представлены так:

Адмиралтейская коллегия и *Иностранная коллегия* – **президенты**;

Коммерц-коллегия, *Мануфактур-коллегия*, *Вотчинная коллегия* – **президенты** и **вице-президенты**;

Юстиц-коллегия – **президент** и **вице-президент**; при коллегии Надворный суд – **вице-президент**;

Берг-коллегия – **вице-президент**; *Малороссийская коллегия* – **президент** и **вице-президент**;

Медицинская канцелярия – **президент**;

Главный магистрат – **обер-президент**¹⁷⁵.

* В 1708 г. город из областного переименован в уездный, а с 1724 по 1796 г. Енисейск являлся главным городом Енисейской провинции.

Исследовательница цифрами показала острую кадровую проблему, возникшую с началом работы судебных учреждений в губерниях: «по проекту требовался 371 судья, но к середине 1720 г. вступили в должность только 199 человек, а 172 места оставались вакантными. По мнению историков, именно недостаток людей заставил Петра еще при введении этих учреждений отойти от принципа отделения суда от администрации и президентами надворных судов назначить воевод и губернаторов». Это красноречиво иллюстрирует таблица «Состав присутствия надворных судов в 1719–1724 и 1726 гг.», согласно которой «в первой половине 1720-х годов ни один из надворных судов не был до конца укомплектован кадрами. Не намного лучше была ситуация и в 1726 г. <...>. Сведения о президентах и вице-президентах судов дают основания заключить, что до 1723 г. эти должности или оставались вакантными, или исполнялись административными лицами (губернатором, вице-губернатором, воеводой)». Именно в связи с этим ученый делает вывод, что «провозглашенное в 1719 г. разделение властей, на практике оказалось еще одной неосуществленной идеей, которыми так богато было правление Петра I. Можно предположить, что решение вопроса о руководителях судов как до, так и после 1722 г. зависело лишь от кандидатов на эти должности». В работе отмечается и социальный состав членов присутствия надворных судов: в начале 1720-х годов из 59 членов «28 человек были военными, что составляло почти 48% от общего числа. Среди **президентов** и **вице-президентов** удельный вес военных был ниже – 36% (5 из 14 человек)»¹⁷⁶. Кстати, к вопросу о бюрократизации административных кадров: по Табели о рангах должность президента надворного суда полагалась в шестом, а вице- в седьмом классах. Не во всех надворных судах были президенты, в других председательствовали вице-президенты¹⁷⁷.

Совершенно очевидная «нехватке кадров» – юристов! – для губернских надворных судов в петровскую эпоху позволяет привести почти курьезное сообщение из Лондона от 10 сентября 1767 г., напечатанное «Санктпетербургскими ведомостями», в котором содержится информация о юридических кадрах ... в Англии в 1747 г.:

«Публика весьма недовольна в разсуждении великаго множества находящихся здесь адвокатов, а еще больше площадных врачей. <...> Что же касается до множества Адвокатов, то в 1747 году по указу нижняго Парламента подан список всем в го-

роде Лондоне и в Лондонском уезде находящимся стряпчим, и число оных **простиралось до 60000 человек**; невероятное множество, естлиб не было обнаружено от толь знатнаго собрания; однако ныне за подлинно утверждают, что число находящихся ныне в Лондоне таковых людей несравненно больше прежняго. Но как в наших селениях их не много, то наши Патриоты желают, чтоб Парламент определил награждение за вывоз стряпчих в Американския селения. Известно, что в Англии не произойдет чрез то в них недостатка <...>¹⁷⁸.

Конечно, прямого отношения эта, на мой взгляд, убийственная цифра стряпчих «в городе Лондоне и в Лондонском уезде» не имеет ни к петровской реформе в целом, ни к судебной – в частности. Она, на фоне цифр о «социальном составе членов присутствия надворных судов», приведенных Л.Ф. Писарьковой, говорит о Петре Великом, по-моему, прежде всего как об искренно яростном ... самодержавном идеалисте, который едва ли не свято верил в свою самовластную *указную* попытку реформами «догнать и перегнать» образованную Европу с почти неграмотным населением после нескольких веков им же самим отмеченного в 1714 г. «нерадения предков» в первую очередь именно в образовании и культуре...

Возвращаясь к термину «президент», хочу отметить, что в реформе центральных и во многих местных судебных органах власти едва ли ни ключевая административно-лингвистическая позиция принадлежала именно ему. И функция у него в петровскую эпоху была одна: «сидящий впереди, во главе; председатель». Главогосударственная, как известно, появилась лишь после принятия Конституции США 1787 г., а урывчатая информация о будущих США – напомним, что во времена Петра это лишь колониальные земли Великобритании в Северной Америке, – начала появляться в «Ведомостях» только в 1720–1726 гг. Автор монографии «Россия открывает Америку. 1732–1799» Н.Н. Болховитинов (1930–2008) эти сюжеты почему-то сокрыл расплывчатой фразой: «Время от времени сведения об Америке стали появляться и в русской печати – петровских “Ведомостях”, “Российских ведомостях”, “Исторических, генеалогических и географических примечаниях в ведомостях” и, наконец, “Санкт-Петербургских ведомостях”»¹⁷⁹. Я посмотрел эти «время от времени сведения» об английских колониях, которые мог читать и Петр Великий:

сообщение из Лондона от 16 июля 1720 г. о возможных переговорах между послами Англии и Франции «для установления

границ, между обеими областями в Америке»¹⁸⁰, которое можно воспринимать как своего рода предупреждение к будущему вооруженному конфликту Великобритании с Францией и ее союзниками-индейцами в 1754 г., открывшему североамериканский театр Семилетней войны 1756–1763 гг.;

в 1722 г. помещается уведомление из Лондона от 25 сентября о войне колонистов-англичан с аборигенами: «Пишут из Бостона в новой Англии, что кавалер Шут Губернатор оной, велел там обнародовать прокламацию, в которой он объявляет войну Индейцам, сущим к востоку, оной колонии, или новопоселения»¹⁸¹, что тоже могло быть настораживающей для европейских поселенцев информацией;

последнее, что мог читать император о колонистах, это сообщение из Лондона от 23 января 1723 г. о монете «для королевских земель в Америке», которая «будет иметь с одной стороны главу Королевскую с сими словами Георгии Король: а на другой стороне будет цвет рожевой с сими словами: *Rosa americana utile dulci*»¹⁸², которое свидетельствовало, что британский лев собирался обосноваться в Северной Америке всерьез и надолго.

...Реакция Петра на североамериканские темы «Ведомостей», увы, неведома... Еще три кратких сообщения о воинственных и миролюбивых контактах колонистов с аборигенами в 1725–1726 гг. появились в газете уже после смерти императора¹⁸³.

Но в 1731 г. газета «Санктпетербургские ведомости» (СПв), которая сменила петровские «Ведомости» и издавалась в 1728–1914 гг., напечатала сообщение из Лондона от 29 декабря 1730 г. о событии в Новой Англии. Именно из-за него я даже несколько расширил хронологию исследования, заменив в названии первоначальное «правление Петра I» на хронологически расширенный фразеологизм «петровская эпоха»:

«...Здесь поступками тех особ весьма недовольны, которые в Генеральном собрании провинции залива Массачусетского в новой Англии заседают, понеже оные дерзнули **против Королевских часто подтвержденных имянных указов** новому Губернатору определенное жалованье отказать, которое однакож бывши прежде того Губернатор получал, по чему видно, что **они о том трудятся, дабы им от Великобританской власти свободится**. При том кажется, что **они в сем на собственное свое великое войско надеются**, которое такожде и подлинно зело велико есть, понеже в помянутой провинции 100000 человек, да корпус салдат в 16 пехотных

полках и 15 ротах конницы состоящий имеется. Сверх того употребляется тамо еще ежегодно по 4000 человек матрозов, особливо понеже они ежегодно около 400 караблей в море отправляют. Между тем надеются, что сие будущему парламенту предложено будет, ради учинения резолюции, **как бы оных паки к прежнему послушанию привести**»¹⁸⁴.

В российско-советской историографии мне не довелось видеть ни ссылок на эту публикацию, ни какого-либо упоминания или реакции на нее. А между тем это сообщение, вероятно, можно считать первой ласточкой в России – даже, если хотите, буревестником! – будущей Американской революции. Произошла она, правда, через 45 лет после Массачусетского собрания, но, как гласит русская пословица, *лиха беда почин: есть дыра, будет и прореха...* В 1775–1783 гг. в Северной Америке *революция, о необходимости которой* начали заговаривать еще в 1730 г., *совершилась*. И главным ее результатом стала Декларация независимости «представителей Соединенных Штатов Америки» 4 июля 1776 г. – государства с новой формой правления. Этот исторический документ прогностически гениально оценил посол России в Англии И.М. Симолин едва ли не в день признания США королем Георгом III в декабре 1782 г. в лондонском парламенте: «Эта независимость произведет революцию в мировой истории и, вероятно, создаст новый порядок вещей...»¹⁸⁵. А к «новому порядку» в первую очередь следует отнести Конституцию США, которая термину «президент» презентовала новую функцию: выборный глава государства.

В немногочисленных в век Просвещения российских газетах (всего двух – в Петербурге и Москве) глава США поначалу назывался ставшим уже привычным словом «председатель»: в *СПб* в первом сообщении из Лондона от 3 ноября 1787 г. о принятой Конституции США, в частности, говорилось:

«...Исполнительная же Власть представлена будет **верховному Председателю**, который должен быть избираем от всех вообще Областей на четыре года. <...>»¹⁸⁶.

Но через год с небольшим, в декабре 1788, в газете «Московские ведомости» (*Мв*) также в сообщении из Лондона от 25 ноября о выборах первого главы США пропечатался в этой должности «президент»:

«Пишут из Филадельфии, что 13 сентября определено в Конгрессе, чтобы в первую среду после Новаго году в каждой из со-

единенных областей, принявших конституцию, назначили тех Особ, кои имеют право давать свой голос при выборах. В первую среду в Феврале месяце сии Особы должны держать собрание в своих Областях, для избрания **Президента**, <...>¹⁸⁷.

Здесь непременно следует сказать, что издателем *Мв* в 1788 г. был уже упоминавшийся просветитель и журналист Н.И. Новиков, о котором В.О. Ключевский сказал, что благодаря ему «не только Европейская Россия, но и Сибирь стала читать»¹⁸⁸. После номера с американским «президентом» в 1788 г. под его редакцией вышло еще всего три выпуска газеты, а апреле 1792 г. просветитель был арестован по обвинению в «гнусном расколе», в корыстных обманах, в масонской деятельности... Указ о его освобождении был подписан лишь Павлом I, но буквально на следующий день после смерти «государыни-матушки Екатерины» – 7 ноября 1796 г. Здесь же, пожалуй, надо сказать, что особого внимания в новиковском сюжете термин «президент» достоин еще и потому, что двоюродным племянником узника Шлиссельбурга был Михаил Николаевич Новиков (1777–1824) – один из учредителей в 1816 г. первого тайного политического общества будущих декабристов «Союз спасения». Он даже стал своего рода крестным отцом лидера карбонариев России Павла Ивановича Пестеля (1793–1826). Думаю, именно ему в истории главогосударственного президентства России принадлежит первый голос в пользу введения должности президента в республиканской России. Дело в том, что на собрании членов Коренной думы Союза благоденствия в Петербурге «в начале» 1820 г. как раз после доклада Пестеля, в котором доказывалось «превосходство пред прочими правления Соединенных Штатов Америки», присутствовавшие члены тайного общества должны были голосовать о будущем России: монархия или республика. Активный в то время участник тайного общества Николай Иванович Тургенев (1789–1871) произнес по-французски три эпохальных для истории президентской России слова в пользу республики: «Le president – sans phrases, т.е.: **Президент, без дальних толков**»¹⁸⁹ ...

Впрочем, история появления в Российской империи термина «президент» с главогосударственной функцией – тема специального исследования, и его, думаю, логично будет начинать с процитированной из *СПб* информации 1731 г. о том, как американские колонисты уже тогда стремились «от Великобританской власти свободится». Стремление это в итоге оказалось республиканским,

и в этой связи справедливости ради необходимо заметить, что слово «республика»¹⁹⁰ как форма правления для России прозвучало едва ли не впервые при дворе дома Романовых почти в то же время – еще 1730 г. после неудачной попытки членов Верховного тайного совета («верховников») ограничить абсолютную власть вступавшей на престол Анны Иоанновны (1693–1740) так называемыми «кондициями», лист с которыми она надорвала, узнав, что «пункты» условий ее правления «составлены не по желанию всего народа». Именно против «кондиций» высказался тогда астраханский и казанский губернатор в 1719–1730 гг. А.П. Волынский (1689–1740), заявив: «Слышно здесь, что делается у вас или уже сделано, чтоб быть у нас **республике**. Я зело в том сумнителен. Боже сохрани, чтоб не сделали вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий <...>»¹⁹¹. Самому же Петру Великому современные ему республики были знакомы и по международным договорам, в частности по договору 1697 г. с Венецианской, или Республикой Святого Марка, который упоминался в начале работы, и куда он, кстати, намеревался отправиться по программе Великого посольства, и, конечно, с Голландской, откуда, напомним, на службу в Московскую ратушу в 1699 г. пришел первый президент.

* * *

Если же говорить об итогах петровских преобразований в целом, отразившихся даже на складе ума и образе мыслей россиян, то их исторически серьезный позитивный результат хотя и публицистично, но убедительно емко отметил доктор философских наук А.И. Ракитов в интервью «Управление менталитетом»: «Петр Первый взял и изменил менталитет части нации – дворянства. Не хотели! Сопротивлялись! Боролись, как дураки, за дедовские традиции, за бороды, за долгополые кафтаны... Зато потом появился Пушкин, появились Лобачевский, Менделеев, Павлов»¹⁹². Конечно, по этому вопросу имеются и прямо противоположные оценки. Так, об итогах петровской европеизации сожалел Н.М. Карамзин: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. Виною Петр»¹⁹³. Не единожды цитированный здесь Н.И. Павленко, видный специалист по этой эпохе, считал, что «результат реформаторских начинаний Петра состоял

в превращении мало кому известной Московии в Российскую империю», а «важнейшим итогом петровских преобразований явилась европеизация страны»¹⁹⁴. Он же увидел в преобразованиях Петра еще и «крупный шаг по дороге к **прогрессу** (хотя и в рамках феодализма)»¹⁹⁵. Последнюю цитату о *прогрессе* хочу прокомментировать, поскольку именно через призму этого слова смотрел на создание США немецкий писатель Л. Фейхтвангер (1884–1958), автора романа «Лисы в винограднике» (1947) о дипломатической игре Франции против Англии в период войны английских колоний в Северной Америке за независимость. В «Послесловии автора» к роману (1952) он, в частности, отметил: читатели романа, «безусловно, поймут, что герой романа – не Вениамин Франклин и не Бомарше, не король и не Вольтер, а тот **невидимый кормчий истории** <...> – **прогресс**».

Думаю, и за реформаторским процессом Петра легко видится он же, *невидимый кормчий истории* – *прогресс*, показавший себя в еще феодальной Руси через активнейший рывок к западноевропейской цивилизации. Безусловно, между *прогрессом* в создании республики США и *прогрессом* в реформировании царства Московии – настолько несопоставимые различия политического, социально-экономического, культурно-образовательного характера, что их даже не стоит здесь сопоставлять. Но одно – малоприметное – позволю привести: если отцами-основателями США, сыгравшими ключевую роль в основании и становлении американской государственности, признана целая группа – команда, если хотите – образованных политических деятелей (Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон, Б. Франклин, А. Гамильтон и еще три фамилии), то за реформаторским *прогрессом* России стоит, увы, один Петр Великий, после Ништадтского мира 1721 г. провозглашенный Сенатом и «императором Всероссийским» и «**Отцом Отечества**».

Конечно, не следует забывать, что первые шаги в направлении европеизации Руси были сделаны еще Борисом Годуновым (1552–1605): хорошо, в частности, известен факт отправки в его царствование русской молодежи для обучения за границу (никто, правда, вроде бы не вернулся...). Были также сюжеты робкого внедрения европейского духа на территорию Кремлевского двора и при отце Петра I – царе Алексее Михайловиче. О преобразовательных замыслах прозападного образца в годы практического правления царевны Софьи (1657–1704) и фактическом главе правительства в этот период В.В. Голицына (1643–1714), в частности,

обстоятельно повествует В.П. Наумов в книге «Царевна Софья», утверждая, что они «мыслили совершенно в том же направлении, что и великий преобразователь»¹⁹⁶, т.е. царь Петр. И в чем-то прав поэт С.С. Орлов (1921–1977), сказав:

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог.
Второй.
Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог. ...

Масштабная, действенная, то, что называется, по всем фронтам, европеизация Московского царства – тот процесс, который смело можно – да, по-моему, и должно! – называть **прогрессом**. Она начата Петром все-таки вслед за своими не столь политическими яркими самодержцами-предшественниками «в рамках феодализма», еще в конце века семнадцатого, когда молодой царь «в Европу прорубил окно». В него-то одним из первых и «заглянул» как раз «президент» Московской ратуши... Для России – да, в общем-то, и для всего Старого Света – эта вестернизация, имела, пожалуй, в то время не меньшее значение, чем через полвека после смерти Петра появление за океаном республики с избираемым на конкретный срок главой государства – президентом. В этой связи хочу процитировать фразу В.О. Ключевского из «Курса русской истории» о результатах петровских реформ, которую считаю архиважной для понимания сути представленной работы по фактически предыстории российского президентства: **«Результаты реформы были обращены более к будущему**, смысл ее далеко не всем был понятен; но ее приемы чувствовались современниками прежде всего, производили непосредственное впечатление, и с ним приходилось считаться Петру»¹⁹⁷. Конечно, не только «президента» имел в виду историк, говоря о *будущем*, но, полагаю, в нем сегодня можно легко видится и он. Именно «в будущем» – относительно эпохи Петра Великого – с единственным на то время определением «президента» как «председателя общества, объединения, научного учреждения», стала в ряд вторая дефиниция термина: «выбранный на определенный срок глава государства с республиканской формой правления». Менее чем через 35 лет она была принята декабристами. Примечательно, что Ключевский, говоря о результатах реформ как обращенных «более к будущему», отмечал в то же время: «Реформа, совершенная Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни полити-

ческого, ни общественного, ни нравственного порядка, установившегося в этом государстве, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы, ввести в нее новые заимствованные начала, а ограничивалась стремлением вооружить Русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе, поднять труд народа до уровня проявленных им сил». Классик исторической науки убежден, что реформа «была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников. Это было скорее потрясение, чем переворот. Это потрясение было непредвиденным следствием реформы, но не было ее обдуманной целью»¹⁹⁸. Однако, вспомним классическое тютчевское –

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...

А за Петром Великим было не только **слово**, но и **дело** – процесс страстного оевропеивания средневековой Руси, одним из важных элементов которого стал и термин «президент». Перефразируя всего одним словом объемную по смыслу четырехсловную строфу Андрея Вознесенского (1933–2010) в стихотворении «Баллада работы» –

Петр
Первый –
Пот
первый... –
можно без преувеличения утверждать –
Петр Первый – **президент первый!**

Для России современный «президент» является в некотором роде крестником Петра Великого. И, кстати, в истории института президентства эпохи Петра I случился один «президент», который успешно живет до сих пор – Президент Российской академии наук. Ведь сама Академия, как говорится, *есть пошла* с именного указа Петра Великого, «объявленного из Сената» 28 января 1724 г.:

Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбуга. – С приложением проекта об учреждении Академии¹⁹⁹.

В нем-то и выражалось императорское пожелание,

«чтоб сие здание [т.е. Академия] непременно и полезно было, то имеет оное токмо под ведением Императора, **яко протектора своего**, быть само себя править, еже учиняется когда из оных или неперменной **Президент** или попеременно один по другому каждый год или полгода выбирается».

Здесь же дано указание, что каждому академику

«надлежит по два человека еще прибавить, которые **из Славянского народа, дабы могли удобнее Русских учить** <...>²⁰⁰.

Конечно, мысль о создании Императорской академии наук появилась не за год до кончины Петра, как этот указ, поскольку еще 22 января 1724 г. им был рассмотрен и утвержден «доклад об устройении академии», по его поручению сделанный лейб-медиком Блументростом. Причем, «по этому учреждению “академии наук и курьезных* художеств”, академия должна была явиться установлением не только ученым, но и высшим учебным, т.е. университетом»²⁰¹. И Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост (1692–1755), родившийся в Москве лейб-медик Петра I, свободно говоривший и писавший на русском, латинском, немецком, французском языках, стал первым президентом Академии наук и художеств, пребывая в этой должности с декабря 1725 по июль 1733 г. ...

Воистину, *слова подчас взрываются не сразу!*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Павленко Н.И. Петр Великий. – М.: Мысль, 1998. – С. 597.
2. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя* России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. – М., 1838. – Т. 5. – С. 262. Далее: Голиков И.И. Деяния... Курсив. – Источника; полужирный шрифт. – Выделено мной. Здесь и далее орфография и пунктуация источников.

Историк назвал источник речи Петра I там же: «Сию речь списал я у господина Коммисара Крекшина. Впрочем согласна она и с писателями, помещающими оную при описании жизни сего Монарха». Крекшин Петр Никифорович (1684–1763) – чиновник и историк, один из первых русских книжников, специализировавшийся в области генеалогии.

* В оригинале – «преобразителя». В современной историографии и библиографии часто устарелое слово «преобразитель» заменяется «преобразователем».

* Согласно «Толковому словарю» В.И. Даля, курьезный – «странный и забавный, смешной, замечательный, любопытный».

3. Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.» (Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1981. – Вып. 8. – С. 135.), термин «куранты» означал: 1. *Сообщения о текущих событиях*. 2. *Вестник, газета*. В «Словаре русского языка XVIII века» (Словарь русского языка XVIII века. – Л., 1989. – Вып. 5. – С. 81.) появление слова «газета» датировано 1708 г.
4. Подробнее см.: Ишутин В.В. Из истории идеи института президентства в России // Вопросы истории (ВИ). – 2016. – № 3. – С. 59–63.
5. Кстати, в «Советской исторической энциклопедии» [16 т.: 1961–1976 гг.; далее: СИЭ] нет статей «президент» и «президентство». Есть: Презентизм; Президиат; Президиум ЦК КПСС... См.: СИЭ. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – Т. 11. – Стб. 526–528.
6. Вести-Куранты. 1600–1639 гг. – М.: Наука, 1972. – 348 с., ил.; Вести-Куранты. 1642–1644 гг. – М.: Наука, 1976. – 400 с., ил.; Вести-Куранты. 1645–1646, 1648 гг. – М.: Наука, 1980. – 408 с., ил.; Вести-Куранты. 1648–1650 гг. – М.: Наука, 1983. – 296 с.; Вести-Куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. – М.: Наука, 1996. – 224 с.; Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – Ч. 1: Русские тексты. – 856 с.; Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. – М.: Языки славянской культуры, 2008. – Ч. 2: Иностранные оригиналы к русским текстам. – 700 с., ил. О «Курантах» подробнее: Шамин С.М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. – М.: Альянс-Архео; Санкт-Петербург : Контраст, 2011. – 347 с.
7. Термин «институт», согласно Википедии, в частности, означает «определенный класс организаций», «устойчивую форму организации совместной деятельности людей, реализующих определенные функции в обществе». По «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, изданному в 2016 г., «институт» это «та или иная форма общественного устройства (книж.). *И. частной собственности*. <...> *И. президентства* (президентское правление)».
8. Термин «коллегия» в русском языке известен с 1621 г. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1980. – Вып. 7. – С. 242.
9. См.: Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 510.

- Подробнее см.: Ишутин В.В. Термин «президент» в российских газетах XVIII в., словарях и энциклопедиях XVII – первой половине XIX в. (до «Словаря Углова» 1859 г.) // Личность в истории в эпоху нового и новейшего времени. – СПб.: Издательский дом С.-Петербургского университета, 2011. – С. 449–450. В «Новой российской энциклопедии» (Новая российская энциклопедия. – М., 2014. – Т. 8 (2). – С. 100.) «президенту» дана, в частности, и такая дефиниция: «<...> 2). Собственное наименование выборной должности главы государства с республиканской формой правления».
10. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными [далее – ПДС]. – СПб., 1867. – Т. 8.: с 1695 по 1699 год. – Стб. 65. Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, выделено мной. – В. И.

11. Письма и бумаги императора Петра Великого [далее – ПиБ]. – СПб., 1887. – Т. 1. – С. 125–126.
12. ДС. – Т. 8. – Стлб. 790, 792 и др.
13. ПиБ. – Т. 1. – С. 172–174. По информации Википедии, путь к президентству начинал Данкельман в 1683 г. гувернером принца Фридриха Вильгельма, будущего короля Пруссии Фридриха I. Как пишет М.М. Богословский, «о падении всесильного обер-президента фон Данкельмана» Великое посольство узнало в декабре 1697 г. См.: Богословский М.М. Петр I. – [М.]: ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1941. – Т. 2. – С. 280, 282.
14. См. в частности: Ломоносов М.В. [Замечания на первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера] // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. – С. 359–364; Прийма Ф.М. Ломоносов и «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера // XVIII век. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. – Вып. 3. – С. 170–186; Платонова Н. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом» // Литературное наследство. – М.: Изд-во АН СССР, 1939. – Т. 33/34. – С. 1–24.
См. также: Литфонд. – Режим доступа: <http://www.litfund.ru/auction/71/8/>; <http://www.nlr.ru/voltaire/articles/Platonova.pdf>; <http://annuaire-fr.narod.ru/bibliotheque/Mezin-book/Glava-3.html>; <https://weekend.rambler.ru/read/voltier-i-iegho-istoriia-rossii-2015-09-24/>
15. См. об Орфелине: Лециловская И.И. Захария Орфелин – сербский энциклопедист XVIII в. // Человек эпохи Просвещения. – М.: Наука, 1999. – С. 61–76.
16. Орфелин З. Житие и славные дела Петра Великого самодержца всероссийского. – СПб., 1774. – Т. 1. – С. 202–203.
17. Там же. – С. 206.
Вильгельм III, принц Оранский – статхаудер Нидерландов с 1672 г., король Англии с 1689 г. и король Шотландии как Вильгельм II с 1689 г. Штатгальтер («держатель места»), или статхаудер («держатель города») – в ряде государств Европы должностное лицо, осуществлявшее власть и управление на какой-либо территории данного государства. Наибольшую известность получили статхаудеры Республики Соединенных провинций (Голландии).
18. См.: Богословский М.М. Петр I. – Т. 2. – С. 123–128.
19. Самуэль фон Пуфендорф [Пуфендорф] (1632–1694) – немецкий юрист-международник, историк, философ. В России переводами работ Пуфендорфа занимался епископ Гавриил (Бужинский) под наблюдением Петра I.
20. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. – СПб.: Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. – С. 30.
21. Ключевский В.О. Сочинения. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. – Т. 4: Курс русской истории, ч. 4. – С. 214. По преданию, слова Петра дошли в записи одного из сподвижников Петра I А.И. Остермана (1686–1747).
22. Пенсионарий (ср.-век. лат. *pensionarius*), одно из высших должностных лиц в провинциях Нидерландов в XV–XVIII вв. В Республике Соединенных

- провинций так называемый великий пенсионарий провинции Голландия замышлял статхаудера и руководил внешней политикой.
23. Edmundson G. History of Holland. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1922. – P. 111–112.
 24. См.: Калинина С.Г. Голиков Иван Иванович // Большая Российская энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. – Т. 7. – С. 314.
 25. См.: Мезин С.А. Русский историк И.И. Голиков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. – 128 с.; Зелов Д.Д. «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» И.И. Голикова: (к вопросу об обстоятельствах создания и современном научном значении) // Петровское время в лицах. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. – С. 52–59; Мезин С.А. О первых историках Петра Великого (Заметки на полях современных изданий) // История Петербурга. – СПб., 2009. – № 1 (47). – С. 89–94.
 26. Голиков И.И. Деяния ... – М., 1837. – Т. 1. – С. I.
 27. Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1943. – Ч. 1. – С. 18.
 28. См.: С.Г. Калинина. Указ. соч.
 29. Белинский В.Г. Россия до Петра Великого // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. – М.: Акад. наук СССР, 1954. – Т. 5. – С. 93–94.
 30. Голиков И.И. Деяния ... – Т. 1. – С. 321, 324.
 31. Там же. – С. 378–379.
 32. Там же. – С. 379.
 33. Там же. – С. 394–395, 397–403, 413, 421–422.
 34. ПДС. – Т. 8. – Стлб. 947, 951, 1010, 1038.
 35. Лозинский С.Г. История Бельгии и Голландии в новое время. – СПб., 1909. – С. 49.
 36. См.: Шатохина-Мордвинцева Г.А. История Нидерландов: учебное пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2007. – С. 166–190.
 37. См.: Гуськов А.Г. Великое Посольство Петра I. Источниковедческое исследование. – М.: Институт российской истории РАН, 2005. – С. 322–323, 392.
 38. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1988. – Вып. 14. – С. 192–193.
 39. Ян де Витт (1625–1672) государственный деятель Голландии, в 1653 г. – великий пенсионарий провинции Голландия.
 40. См.: Бельский М.С. Спиноза. – М.: Молодая гвардия, 1964. – С. 136, 138, 142–143.
 41. См.: Всемирная история. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. – Т. 5. – С. 96.
 42. См.: Богословский М.М. Петр I. – Т. 2. – С. 193–194, 196, 216, 422, 433, 620.
 43. См.: Павленко Н.И. Лефорт. – М.: Молодая гвардия, 2009. – С. 163, 169, 171 и др.
 44. См.: Ведомости. – 1720. – № 51, 25 авг.; № 57, 6 окт.; 1725. – 17 марта.
 45. Meerman Jean. Discours sur le premier voyage de Pierrele Grand, principal ementen Hollande. – Paris, 1812. – 79 p. В книге Веневитинова Меерман назван «представителем одного из уважаемых семейств Гааги».
 46. См.: Веневитинов М.А. Русские в Голландии. – М., 1897. – С. 8–9.
 47. Там же. – С. 64, 78–79, 88, 94, 108, 92.

48. Витзен (Витсен) Николай-Корнелий (1641–1717) – географ, этнограф; бургомистр Амстердама. В 1693 г. начал торговлю с Россией.
49. См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М.: Мысль, 1993. – Т. 15/16. – С. 45. В цитате пунктуация источника. – *В. И.*
50. Орфелин З. Указ. соч. – С. 209.
51. См.: Богословский М.М. Петр I. – Т. 2. – С. 538.
52. См.: Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Независимая газета, 1993. – С. 96.
53. Павленко Н.И. Лефорто... – С. 264.
54. См.: Богословский М.М. Петр I. – [М.]: ОГИЗ-ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1946. – Т. 3. – С. 5–126; 212–226.
55. См.: Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. – М.: Наука, 1984. – С. 69.
56. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года [далее: ПСЗ]. – СПб., 1830. – Т. 3. – С. 598–600.
Расправа – управление; рассмотрение и решение спорных вопросов. *Гость* (гости) – название крупных купцов до введения купеческих гильдий, иноземный купец. В XVII в. в России было ок. 30 гостей. *Посадские люди* – название ремесленного и торгового населения городов; сословие средневековой Руси, в обязанностях которого было «нести тягло», т.е. платить денежные и натуральные подати, выполнять многочисленные повинности.
 Замечу, что и слово «бурмистр» (градоначальник, бургомистр), согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, опять-таки «заимств. из голл. *Burgemeester*» и известно с XV в. (Этимологический словарь русского языка. – М., 1986. – Т. 1. – С. 244, 246.)
57. ПСЗ. – Т. 3. – С. 600–601. В этом указе термин «президент» не упоминается.
58. ПСЗ. – Т. 3. – С. 613–614.
Гостиная сотня (торговые люди гостинои сотни) – сословие, появившееся в конце XVI в. До этого *гости* и *гостиная сотня* составляли единое сословие. Члены сотни не имели права свободного выезда за границу и приобретения вотчин.
59. См.: Богословский М.М. Петр I. – Т. 2. – С. 578–581.
60. См.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. – С. 35.
61. См.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. – СПб., 1858. – Т. 3. – С. 92.
62. *Op. cit.*: Edmundson G.. History.... – P. 302.
63. См.: Перри Дж. Другое и более подробное повествование о России // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – М., 1871. – Кн. 2: Мат-лы иностранные. – С. 123.
64. ПСЗ. – Т. 3. – С. 599.
65. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1992. – Вып. 18. – С. 208, 209.
66. См.: История слов. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/204>

- Подробнее о терминах «президент» и «председатель» в XVII в. см.: Ишутин В.В. Термин «президент» в российских газетах XVIII в. ... – С. 449–450.
67. См.: Копиевский И.Ф. Номенклатор на русском, латинском и голландском языках. – Амстердам: тип. Яна Тесинга, 1700. – С. 100–102. Подробнее см.: Власов С.В., Московкин Л.В. Илья Федорович Копиевский и его лексикографические труды // Литературная культура России XVIII века. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т. Факультет филологии и искусств, 2009. – Вып. 3. – С. 36–42; Кузнецова И.Е. Об источнике «Номенклатора на русском, латинском и немецком языке» Ильи Копиевского // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – СПб., 2009. – С. 319–326.
 68. См.: Шустов А.Н. Президент – значит сидящий впереди // Русская речь. – 1989. – № 5. – С. 146. Библиографическое описание «Лексикона трехязычного» в книге: Вомперский В.П. Словари XVIII века. – М.: Наука, 1986. – С. 11.
 69. См.: Вомперский В.П. Указ. соч. – С. 14. Здесь же информация еще о двух изданиях: Брюс Я.В. Лексикон голландско-русский. – СПб., 1717. – Апрель. – 248 с.; Вилима Севела искусство недерладского языка. – 1717. – Ноябрь. NB! в указателе В.П. Вомперского в библиографическом описании «Номенклатора» И.Ф. Копиевского опечатка: написано «... на русском, латинском и немецком языке», но следует читать вместо «и немецком» – «и голландском языках». См.: Вомперский В.П. Указ. соч. – С. 8–9.
 70. Соловьев С.М. Публичные чтения ... – С. 69–70.
 71. См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений России. – М.: Высшая школа, 1968. – С. 95.
 72. См.: Богословский М.М. Петр I. – Т. 3. – С. 248, 250.
 73. Там же. – С. 248.
 74. См.: Желябужский И.А. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709. – СПб., 1840. – С. 137, 295.
 75. Голиков И.И. Деяния ... – Т. 4. – С. 558.
 76. См.: Богословский М.М. Петр I. – Т. 3. – С. 262–263, 235–335.
 77. Ключевский В.О. Указ. соч. – С. 151.
- Курбатов Алексей Александрович (1663–1721), советник Петра I по финансовым вопросам, автор подметного письма (январь 1699 г.) о введении гербовой бумаги. Как пишет С.М. Соловьев, «Курбатов был дворецкий, или маршалок, известного западника боярина» Б.П. Шереметева, «путешествовал вместе со своим господином за границу». (Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М.: Мысль, 1991. – Т. 13/14. – С. 570).
- Прибыльщик в Московской Руси: тот, кто изыскивает источник дохода для государства; налоговый инспектор при Петре I.
78. ПСЗ. – Т. 3. – С. 642, 643, 647.
 79. ПСЗ. – Т. 4. – С. 13, 18, 75, 366–367.
 80. Там же. – С. 436–438.
 81. ПСЗ. – Т. 5. – С. 27. См. также: Н.П. Ерошкин. Указ. соч. – С. 95. Ландрат – должность советника от дворян уезда, введенная Петром I в 1713–1719 гг.
 82. Ключевский В.О. Указ. соч. – С. 157–158, 160.
 83. См.: Законодательные акты Петра I / Подгот. Н.А. Воскресенский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – Т. 1. – 602 с.

84. В связи с этим стоит напомнить о яростно негативной психологической характеристике Петра I, в том числе и о его жестокости, данной Л.Н. Толстым в черновых записях 1886 г. к памфлету «Николай Палкин»: «1/4 столетия губит людей, казнит, жжет, закапывает живых в землю», «рубит головы». См.: Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. – М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1936. – Т. 26. – С. 568. Историк Н.И. Павленко, как бы защищая очевидные странности характера и психологии царя-реформатора, объясняет их его природной самостоятельностью: «Петр любил все делать своими руками, в том числе и рубить головы стрельцам. Не царское дело выступать в роли палача, но таков был темперамент – вмешиваться в важные и второстепенные дела». (Павленко Н.И. Петр I. – М.: Молодая гвардия, 2007. – С. 424). Любопытно, что «Петр принуждал участвовать в казнях и Лефорта, а также еще одного иностранца <...>. Оба, однако, отказались, заявив, что в их странах не принято частным лицам выступать в роли палачей». (Павленко Н.И. Лефорты. – М., 2018. – С. 265). Поэт Б.А. Чичибабин (1923–1994) посвятил жестокости царя стихотворение «Проклятие Петру» с первой строфой: *Будь проклят, император Петр, / стеливший души, как солому! / За боль текущего былому / пора устроить переосмотр.*

Впрочем, жестокость была свойственна не только царю Петру, но другим представителям дома Романовых, даже царицам. К примеру, о «беспощадно жестокой женщине», жене сводного брата Петра Ивана V Прасковье Салтыковой см.: Павленко Н.И. Анна Иоанновна. – М.: Оригинал-макет, 2017. – С. 7–8. О далеко неоднозначном восприятии Петра I как человека и политика см.: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Реформатор: русские о Петре I: Опыт аналитической антологии. – Иваново: изд. фирма «Фора», 1994. – 340 с.

85. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1977. – Вып. 4. – С. 212.
86. См.: Герцен А.И. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 224.
87. Соловьев С.М. История России ... – М.: Мысль, 1993. – Т. 17/18. – С. 456.
88. Соловьев С.М. Публичные чтения ... С. 128.
89. ПСЗ. – Т. 4. – С. 200. Название указа, вероятно, дано при составлении ПСЗ после 1825 г., так как, напомним, появление слова «газета», согласно «Словарю русского языка XVIII в.», датируется 1708 г. Следует сказать, что «первые номера печатной газеты появились 16 и 17 декабря 1702 года, однако они сохранились лишь в виде рукописных копий». См.: Рохленко Д. Первая русская печатная газета // Наука и жизнь. – 2007. – № 3. – С. 112.
90. См.: Кудakov О.Р. Первопечатные «Ведомости» (1702–1727): к истокам отечественной прессы. – Казань: Новое знание, 2002. – С. 11–12.
91. Бакланова Н.А. Великое посольство за границей в 1697–1698 гг.: Его жизнь и быт по приходо-расходным книгам посольства // Петр Великий. – М.; Л.: 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1947. – С. 57.
92. См.: Лабутина Т.Л. Английская революция и интеллектуальное развитие общества в середине XVII века // ВИ. – 2006. – № 4. – С. 112.
93. См.: Шамин С.М. Куранты XVII столетия... – С. 137.
94. Вернадский В.И. Пережитое и передуманное. – М.: Вагриус, 2007. – С. 186.

95. См.: Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). – М.: Просвещение, 1973. – С. 29.
 96. См.: Миронов Б.Н. Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет. X–XX вв. // *Studia Humanistica*. 1996. Исследования по истории и филологии. – СПб.: Блиц, 1996. – С. 24–46. – Режим доступа: <http://Annales.info/rus/small/gramotnost.htm>
 97. О состоянии грамотности в России в этот период см.: Каптерев П.Ф. История русской педагогики. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 20–128.
 98. См.: Снегирев И.М. О начале Московских ведомостей // *Московские ведомости*. – 1851. – № 26, 1 марта. – С. 212.
 99. Рубинштейн Е.И. «Ведомости» петровские // *СИЭ*. – М., 1963. – Т. 3. – Стб. 23.
 100. См.: Пушкарев Л.Н. Ведомости. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/VEDOMOSTI.html
 101. Ведомости времени Петра Великого. – М., 1903. – Вып. 1: 1703–1707 гг. – VIII, 407 с.; Вып. 2: 1708–1719 гг. – С. 1–98, 1–373, XXIV.
 102. Там же. – Вып. 1. – С. 298; Вып. 2. – С. 271.
 103. Ведомости. 1720. – № 2, 15 янв.; № 19, 23 марта; Ведомости. 1721. – № 11, 9 марта; Ведомости. 1722. – № 32, 4 дек.; Ведомости. 1724. – СПб. – № 8, 28 февр.; Ведомости. 1725. – № 1, 30 янв.; № 37, 18 сент.
 104. Российские ведомости. 1726. – № 18, 23 апр. – С. 5, 6. Граф Геннинг-Фридрих Бассевич (Бассевиц; 1680–1749) – президент тайного совета герцога Шлезвиг-Гольштинского Карла-Фридриха.
 105. Ведомости времени Петра Великого. – Вып. 1. – С. 399.
 106. ПСЗ. – Т. 4. – С. 375. «Федор Матвеевич Апраксин (1661–1728), брат царицы Марфы, жены царя Алексея Михайловича, граф; с 1700 – главный начальник адмиралтейского приказа, генерал-адмирал флота (1708 г.), первый президент Адмиралтейств-коллегии (с 1718 г.)» См.: *СИЭ*. – М., 1961. – Т. 1. – Стб. 654. «Русский биографический словарь» (РБС) уточняет: «в 1707 г. Апраксин пожалован в адмиралы и президенты адмиралтейств» – именно так, во множественном числе! Это же отмечает и «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона»: «в 1707 г. назначен адмиралтейским президентом» (РБС. – СПб., 1900. – Т. 2. – С. 256. (репринт: М., 1992); *Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон. Биографии*. – М., 1991. – Т. 1. – С. 393.
- К вопросу о российских адмиралтействах: в середине XVII в. верфь в Архангельске стала именоваться Архангельским адмиралтейством. Регулярный флот был заложен Петром I на верфях Воронежского адмиралтейства, где в 1696–1711 гг. было построено ок. 215 кораблей. См.: Военно-морской флот РФ. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Военно-Морской_Флот_Российской_Федерации#. В XVIII – нач. XIX в. в Петербурге действовали так называемые Новое Адмиралтейство, Адмиралтейство на Галерном острове, Адмиралтейство и верфь в р-не Галерной гавани Васильевского острова. См.: Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопед. справочник. – М.: Большая российская энциклопедия, 1992. – С. 46.
107. Любопытно, что В.О. Ключевский назвал Апраксина «самым сухопутным адмиралом, полным невеждой в навигации» и даже «врагом реформы». См.:

- Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. – М.: Наука, 1968. – С. 385.
108. См.: Милуков П. Коллегии // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. – СПб., 1895. – Т. 15а (30). – С. 692.
 109. См.: ПСЗ. – Т. 4. – С. 194. Также: Милуков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. – СПб., 1906. – С. 421.
 110. Голиков И.И. Деяния ... – Т. 6. – С. 288. О самой свадьбе см.: Павленко Н.И. Петр Великий. – С. 460–462; Трахтенберг Л.А. Сумасброднейший, Всешутейший и Всепьянейший собор // Одиссей: Человек в истории. – М.: Наука, 2005. – С. 105. Этот Собор, который историк Н.М. Молева назвала «одной из своеобразных исторических неясностей» (см.: ВИ. – 1974. – № 10. – С. 206), – затаен Петром I для развлечений, питейных увеселений, карнавалов и т.п. Существовал весь период его царствования с начала 1690-х годов. Главная черта – пародирование обрядов католической и православной церквей, сопровождавшееся ненормативной лексикой и большим количеством алкоголя. Использование термина «президент» в этой ситуации остается отнесением к очередной «исторической неясности» в характере и политике царя Петра.
 111. См.: ПСЗ. – Т. 4. – С. 627.
 112. Иоганн Фридрих Блюэр (Блюер, Блуер, Блиер, Близер; 1674 – не ранее 1731) – один из основателей горного дела в России, инициатор создания Берг-коллегии. В 1710–1712 гг. представлял записки в Рудный приказ и Сенат с рекомендациями по устройству руководства горной отраслью на коллегиальной основе. См.: Блюэр. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/...> «По мысли Б[люэра], высшее управление горной частью было преобразовано и Рудный приказ заменен берг-коллегией (1719)». См.: Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 315; Первые проекты коллегий у Петра I. – Режим доступа: <http://rushist.com/index.php/russia/720-petr-i-kollegii#c3>
 113. См.: СИЭ. – М., 1965. – Т. 7. – Стб. 482.
 114. См.: Милуков П. Коммерц-коллегия // Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1896. – Т. 15а (30). – С. 856.
 115. См.: ПСЗ. – Т. 4. – С. 802–803; 804.
 116. См.: Отечественная история. Энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия, 1996. – Т. 2. – С. 620; Наумов В.П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. – М.: Молодая гвардия, 2010. – С. 185.
 117. См.: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. – М.: Т-во «Мир», 1899. – Ч. 2. – Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pokrowskij_m_n/text_1899_rus_istoria-2.shtml
 118. См.: ПСЗ. – Т. 4. – С. 779.
 119. См.: Милуков П.Н. Государственное хозяйство России. – С. 423, сноска 2.
 120. Переезд из Москвы на берег Невы начался в 1710 г. Указа о переносе столицы не было вероятно потому, что Санкт-Петербург располагался формально на шведской земле; как земля российская она узаконилась после Ништадтского мира 1721 г.

121. См.: Петр I. Коллегии. – Режим доступа: <http://rushist.com/index.php/russia/720-petr-i-kollegii>

122. Коллегия иностранных дел, или Иностранная коллегия Российской империи, – орган центрального управления для заведования сношениями России с иностранными государствами; образована в 1718 г. из Посольского приказа.

Камер-коллегия учреждена в 1718 г. для заведования казенными сборами и некоторыми отраслями государственного хозяйства.

Юстиц-коллегия являлась высшим апелляционным судом по уголовным и гражданским делам в 1718–1786 гг.

Ревизион-коллегия осуществляла контрольно-счетные функции в отношении госфинансов. Упразднена в 1788 г.

Военная коллегия учреждена вместо ряда военных учреждений в целях централизации военного управления.

Адмиралтейств-коллегия – высший орган управления военно-морскими делами в 1718–1802 гг.

Коммерц-коллегия – центральное правительственное учреждение для покровительства торговле.

Штатс-контор-коллегия управляла государственными финансами.

Берг-коллегия руководила горнорудной промышленностью; учреждена в 1719 г. Мануфактур-коллегия учреждена вместе с берг-коллегией, ведала рудопромышленными заводами, всеми прочими ремеслами и рукоделиями и артиллерией.

123. ПСЗ. – Т. 5. – С. 527–528. Биографические справки о президентах и вице-президентах коллегий (кроме: Апраксин Ф.М. [см. о нем выше] и Шмит [о нем ничего не найдено]) взяты (в сокращении). – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Головкин Гавриил (Гаврила) Иванович (1660–1734) – граф (с 1707); первый канцлер Российской империи (с 1709).

Шафиров Петр Павлович (1669–1739) – барон; второй по рангу после Г.И. Головкина, дипломат, вице-канцлер.

Голицын Дмитрий Михайлович (1665–1737) – князь, действительный тайный советник.

Нирот Магнус Вильгельм фон (1663–1738 ?) – ревельский ландрат, барон, полковник шведской армии (о нем в кн.: С.Л. Гаврилов. Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном. 1710–1918. – М., 2011).

Матвеев Андрей Артамонович (1666–1728) – граф (с 1715); в 1699–1715 гг. постоянный представитель Петра I за границей.

Бреверн Герман фон (1663–1721) – действительный статский советник.

Долгоруков Яков Федорович (1639–1720) – князь; судья; с 1700 года – генерал-комиссар, затем – генерал-кригскомиссар, с 1711 года – генерал-пленипотенциар-кригс-комиссар – единственный руководитель ведомства.

Меншиков Александр Данилович (1673–1729) – граф (1702), князь (1705), светлейший (1707); генералиссимус (12 мая – 8 сентября 1727), адмирал (6 мая – 8 сентября 1727), первый генерал-губернатор Санкт-Петербурга (1703–1724 и 1725–1727). Следует сказать, что президент

«Меншиков, как известно, был неграмотным». См.: Павленко Н.И. Лефорты. – М., 2018. – С. 3).

Вейде Адам Адамович (1667–1720) – генерал русской службы.

Толстой Петр Андреевич (1645–1729) – граф, дипломат, посол в Османской империи (1702–1714).

Мусин-Пушкин Иван Алексеевич (ок. 1660–1730) – граф (с 1710); сенатор (1711), действительный тайный советник (1718).

Брюс Яков Вилимович, при рождении Джеймс Дэниэл Брюс (1670–1735) – граф (1721); военный, дипломат, инженер, ученый.

См. также: «Таблица 2. Хронология назначения президентов и вице-президентов, обер-президентов Главного магистрата и глав структурных подразделений Сената (декабрь 1717 – январь 1725 г.)» в кн.: Серов Д.О. Администрация Петра I. – М.: ОГИ, 2008. – С. 266. Там же в «Биографическом словаре» краткие справки о них (с. 21–86).

124. См.: Реляция. – 1720. – № 14, 27 февр.; Ведомости. – 1720. – № 18, 19 марта; Ведомости. – 1720. – № 27, 14 мая; Ведомости. – 1720. – № 39, 25 июня; Реляция. – 1720. – № 41, 7 июля. Напомню, что «Ведомости» иногда издавались под другими названиями.

125. ПСЗ. – Т. 5. – С. 601.

126. См.: Ведомости. – 1721. – № 7, 15 февр. Митрополит Стефан (в миру – Симеон Иванович Яворский; 1658–1722) – епископ; с 16 дек. 1701 г. экзарх (блюститель патриаршего престола) – в годы, предшествовавшие упразднению патриаршества при Петре I. С 22 окт. 1721 г. – Президент Духовной коллегии (Святейшего Правительствующего Синода);

Реляция. – 1722. – № 1, 18 янв. Архиепископ Феодосий (Федор Михайлович Яновский; 1673–1726) – архиепископ Новгородский и Великолуцкий;

Реляция. – СПб., 1722. – № 1, 18 янв. Князь Юрий Юрьевич Трубецкой (1668–1739) – генерал-поручик. В 1720 году назначен президентом Магистрата;

Российские Ведомости. – 1726. – № 20, 17 мая. Архиепископ Феофан (Елисей, по другим сведениям – Елеазар Прокопович; 1681–1736) – епископ; с 25 июня 1725 г. архиепископ Новгородский. С 25 янв. 1721 г. – первый вице-президент Святейшего Правительствующего Синода (и по смерти Стефана Яворского – его фактический руководитель), с 15 июля 1726 г. – первенствующий член Синода Русской православной церкви.

127. См.: ПСЗ. – Т. 5. – С. 605. Указ не датирован. Название сопровождается примечанием: «См. ниже. Именного указа 1721 года, Генваря 28, пункт 1-й и Должность Сената 1722 года, Апреля 27».

128. ПСЗ. – Т. 5. – С. 525.

129. ПСЗ. – Т. 6. – С. 138–139.

130. ПСЗ. – Т. 5. – С. 267.

131. Там же. – С. 525.

132. Там же. – С. 601.

133. ПСЗ. – Т. 6. – С. 314–346.

134. Там же. – С. 314.

135. Там же. – С. 131. Илья Иванович Исаев (1674–1741) – московский купец; обер-инспектор Главного магистрата, вице-президент Коммерц-коллегии, действительный статский советник.
136. См.: Ерошкин Н.П. Указ. соч. – С. 93. Ратман – выборный член городских магистратов, ратуш, управ благочиния.
137. ПСЗ. – Т. 6. – С. 481.
138. См.: Административные реформы. – Режим доступа: <http://wordweb.ru/andreev/51.htm>
139. См.: Н.П. Ерошкин. Указ. соч. – С. 93.
140. ПСЗ. – Т. 6. – С. 141–161.
141. См.: СИЭ. – М., 1965. – Т. 7. – Стб. 482–483.
142. См.: Ключевский В.О. Сочинения. – Т. 4. – С. 196, 169.
143. См.: Берендтс Э. Барон А.Х. фон Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. – СПб., 1891. – 20 с.; Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27. – М., 1902. – 582 с. (см. с. 29–34); Маньков А.Г. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720–1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России (IX–XX вв.). – Л., 1970. – С. 112–126. – (Труды ЛОИИ; Вып. 11); Некрасов Г.А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России. – М.: Наука, 1975. – С. 334–343; Троицкий С.М. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII века // ВИ. – 1977. – № 2. – С. 67–75; Анисимов Е.В. «Шведская модель» с русской «особостью»: Реформа власти и управления при Петре Великом // Звезда. – 1995. – № 1. – С. 133–150; Анисимов Е.В. Империя. Возникновение и рост. Поворот к Европе. Гл. 1: Рождение империи. Власть и реформы при Петре I // Власть и реформы: От самодержавия к советской России. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – С. 113–152 [Сравнение: абсолютизм ШВЕЦИЯ – самодержавие РОССИЯ см. 137–139]; Серов Д.О. «У сочинения Уложения российского с швецким быть...»: Уложенная комиссия 1720 года и ее труды // Институты государства и права в их историческом развитии. – М.: ИКД Зерцало, 2012. – С. 139–160; Серов Д.О. «Быть по маниру шведскому...»: сценарии заимствования иностранных правовых институтов в ходе проведения административной и судебной реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): сб. статей. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – С. 250–269.
- Здесь к месту будет сказать, что П.Н. Милоков в цитированной статье «Коллегии», говоря о «прежнем мнении», что будто немецкий ученый Г.В. Лейбниц рекомендовал царю идею коллегиального управления в Московии, утверждает: «Прежнее мнение о том, что Лейбниц советовал Петру ввести коллегии, должно быть оставлено».
144. См.: Троицкий С.М. Указ. соч. – С. 68–69.
145. См.: Некрасов Г.А. Указ. соч. – С. 337–338.
146. См.: Берендтс Э. Указ. соч. – С. 10.

147. Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого. – М., 1809. – Ч. 2, кн. 2. – С. 70–71; Так же переиздание: СПб.: Ленинград, 2012. – С. 289.
148. См.: РБС. – СПб., 1901. – Т. 21. – С. 73, 74.
О Г. Фике см.: Прокопенко Я.И. Генрих Фик и процесс интернационализации российской политической элиты в первой половине XVIII с. // Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682–1750). – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 149–177.
149. Густав II Адольф (1594–1632; король – 1611–1632).
150. См.: Маньков А.Г. Указ. соч. – С. 118–119.
151. См.: Анисимов Е.В. Империя. Возникновение ... – С. 138–139.
152. См.: История Швеции. – Режим доступа: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1036244/Melin_-_Istoriya_Shvecii.html
153. См.: ПСЗ. – Т. 5. – С. 564–565.
154. Там же. – С. 572–573.
155. Богословский М.М. Областная реформа... – С. 31.
156. См.: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 149–150.
157. В XVII в. судьями назывались начальники приказов. Они «назначались из членов Боярской думы: бояр, окольничих, думных дворян, думных дяков». См.: Ерошкин Н.П. Указ. соч. – С. 67.
158. См.: Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – С. 184–186.
159. См.: Анисимов Е.В. Империя. Возникновение... – С. 137–138.
160. Плещеев Алексей Львович (1681–1740) – сенатор, тайный советник, московский губернатор (1727–1730).
161. Бутурлин Иван Федорович – президент коммерц-коллегии в 1722–1725 гг.
162. См.: Наумов В.П. Повседневная жизнь ... – С. 188.
163. Ключевский В.О. Сочинения. – Т. 4. – С. 170.
164. Анисимов Е.В. Государственные преобразования ... – С. 99.
165. См.: Власть и реформы... – Режим доступа: <http://lektsii.org/8-27056.html> ; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Панеях В.М. Власть и реформы: От самодержавной к советской России. – СПб., 1996. – Режим доступа: <http://lektsii.org/8-27056.html>
166. См.: Е.В. Анисимов. Империя. Возникновение ... – С. 137.
167. См. подробнее: Павленко Н.И. Петр II. – М.: Проспект, 2017. – С. 216–217.
168. См. Ерошкин Н.П. Указ. соч. – С. 163.
169. См.: Павленко Н.И. Петр I. ... – С. 423.
170. См.: Словарь русского языка XVIII века. – Л.: Наука, 1985. – Вып. 2. – С. 184.
171. ПСЗ. – Т. 5. – С. 607. Позднее хофгерихт учрежден в Енисейске. Упразднены хофгерихты указом Екатерины I от 24 февр. 1727 г.
172. См.: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России ... – С. 161.

173. Медицинская канцелярия – орган государственного управления медицинским делом в России в 1-й пол. XVIII в. (1725–1763); реорганизована в Медицинскую коллегию в 1763 г.
174. Малороссийская коллегия – правительственный орган по управлению украинскими землями, входившими в состав Российской империи, учрежденный указом Петра I 16(27) мая 1722 в резиденции украинских гетманов в городе Глухове (вместо существовавшего до этого Малороссийского приказа в Москве) с целью ограничения власти казацкой старшины на Украине и подчинения ее общероссийскому управлению. Она состояла из президента, шести членов и прокурора и подчинялась Сенату. Малороссийская коллегия. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/106147/%D0%9C%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F>
175. См.: Писарькова Л.Ф. Государственное управление России ... – С. 555–661.
176. Там же. – С. 162, 162–164, 165.
177. См.: Богословский М.М. Областная реформа ... – С. 187.
178. СПб. 1767. № 78. В изложении эта «новость из Лондона» дана в книге: Ишутин В.В., Талья А.Ю., Ушаков В.А. Томас Джефферсон. Взгляд из России. – СПб.: Полторак, 2013. – С. 22. Но число «стряпчих» в ней указано неверно – 6000. В *СПб* эта цифра именно **60 000**. Повторно проверено по *СПб*! При работе над книгой число это показалось газетной опечаткой и было исправлено на 6 тыс. Впрочем, цифра в 60 тыс. «стряпчих», или чиновников по судебным делам, в 1747 г. в Англии может оказаться и достоверной: по данным Википедии, численность населения Великобритании составляла в 1700 г. – 11 млн, в 1800 – 16 млн 300 тыс. человек, а в Лондоне в 1800 г. проживал 1 097 000 человек...
179. Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку. 1732 – 1799. – М.: Международные отношения, 1991. – С. 9.
180. См.: Ведомости. – 1720. – № 49, 13 авг.
181. Ведомости. – 1722. – № 27, 23 нояб.
182. *Латин.*: американская роза, полезная и приятна; Георг I (1660–1727) – король Великобритании с 1 авг. 1714 г. См.: Ведомости. – 1723. – № 7, 14 марта.
183. См.: Ведомости. – 1725. – № 1, 30 янв.; Российские Ведомости. – 1726. – № 14, 18 марта; Ведомости. – 1726. – [без №], 6 июля.
184. СПб. – 1731. – № 4, 14 янв.
185. См. подробнее: Ишутин В.В. Русский посол И.М. Симолин и геополитический прогноз 1782 г. // ВИ. – 2010. – № 3. – С. 76.
186. СПб. – 1787. – № 97, 3 дек.
187. Мв. – 1788. – № 102, 20 дек.
188. Цит. по: Лихоткин Г.А. Оклеветанный Коловион. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1972. – С. 3. Коловион – масонское имя Н.И. Новикова.
189. См.: Ишутин В.В. Из истории идеи института ... – С. 49–50.
190. Появление слова «республика» в написании «републикь, республика» в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» датируется 1660 г. (Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1997. – Вып. 22. – С. 146.)

191. Павленко Н.И. Анна Иоанновна. ... – С. 71, 53–54. Литературы по этому сюжету и научной и научно-популярной много; из последней назову монографию К.А. Писаренко «Тайны дворцовых переворотов», в которой см. главу «1730 год. Две республики». (Писаренко К.А. Тайны дворцовых переворотов. – М. : Вече, 2017. – С. 93–135.)
192. См.: Без цензуры... – Режим доступа: <http://www.razgovor.org/interviu/article720> (2008)
193. Карамзин Н.М. Записка ... – С. 35.
194. См.: Павленко Н.И. Петр I. ... – С. 421, 422.
195. Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%91%D1%82%D1%80_I Увы, не единожды цитируемая в Интернете фраза дается без указания источника!..
196. См.: Наумов В.П. Царевна Софья. – М.: Молодая гвардия, 2015. – С. 163–170.
197. См.: Ключевский В.О. Сочинения. – Т. 4. – С. 216.
198. Там же. – С. 220, 221.
199. ПСЗ. – Т. 7. – С. 220–224. Пернов: Пярну (эст. Pärnu), рус. Пернов, Пернау (нем. Pernau) – портовый город на юго-западе современной Эстонии; Арнсбург: Арнсбург – прежнее название эстонского города Курессааре (остров Сааремаа).
200. Там же. – С. 224.
201. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1890. – Т. 1. – С. 263.

В.В. Ишутин

**НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА
КОЛЛЕГИАЛЬНОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА:
ПЕТРОВСКАЯ ЭПОХА**

Аналитический обзор

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30/VII – 2018 г.
Формат 60х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 4,5 Уч.-изд. л. 4,0
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 55

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
в ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У
Тел.: 8-800-700-86-33; (845-2)24-86-33